

АСИММЕТРИЯ

АНТОН ЕВТУШЕНКО

18⁺

НЕНОРМАТИВНАЯ
ВНИМАНИЕ
ЛЕКСИКА

АНТОН ЕВТУШЕНКО

Асимметрия

«Автор»

2018

УДК 82-3
ББК 84

Евтушенко А. А.

Асимметрия / А. А. Евтушенко — «Автор», 2018

ISBN 978-5-6041440-9-1

Сотни, тысячи событий, ежедневных происшествий оседают в подсознании, минуя память. Проще говоря, мы забываем. Природа научила человека выпускать из виду некоторую, особую правду, потому что правда, о которой мы не помним, перестаёт существовать. Мы пишем свою историю сплошными недомолвками — преднамеренными, фальшивыми, многозначительными, которые не более, чем заведённый эволюцией полезный механизм, приспособление для выживания. Так же, как асимметричность организма, наша забывчивость являет собой код эволюции. Зачем она нужна — до сих пор загадка, отгадку на которую мы возможно знали, но забыли, как забыли себя в новорождённом состоянии, в утробе матери и в прошлой жизни. Впрочем, героям романа не придётся перелицовывать реальность в отчаянных попытках коснуться дна, их задача куда сложнее: не изменить реальность, а принять её такой, какая есть. Внимание! Ненормативная лексика!

УДК 82-3
ББК 84

ISBN 978-5-6041440-9-1

© Евтушенко А. А., 2018
© Автор, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	43
Глава 6	53
Глава 7	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Антон Александрович Евтушенко

Асимметрия

© Евтушенко А. А., 2018

Глава 1

*Каждый выбирает по себе
слово для любви и для молитвы.
Шпагу для дуэли, меч для битвы
каждый выбирает по себе.*

Юра Левитанский

Обычно я лояльно отношусь к модным изменениям языка. Более того, стараюсь не пропускать свежее испечённые коржики а-ля тру, ёпта, няша или дратуте. Последнее, кстати, слышу каждое утро от соседа. Сталкиваемся лбами на площадке всегда в одно и то же время, аккуратно выхолощенное графиком движения электричек. Очень вежливый студентик, знаете, всегда при встрече говорит мне «Дратуте!» и на «вы». Не скажу, что у него проблемы логопедического толка – нет, с этим всё в порядке, просто «шнурки в стакане» и «зачётная клюшка» остались в далёком прошлом, а самовыражаться как-то надо. А ещё это дико угарно замутить подобный шок с соседом, который, судя по намечающейся плещи и бесконечной пичальке в глазах, из далёкой махровой эпохи, а потому реально не в теме. Но не тут-то было. Не на того напали! По этому славному поводу я даже веду блокнот, куда столбцами укладываю неведомые мне словеса, а рядом расшифровку, короткое пояснение, откуда взялось, от кого услышал. Внезапным легко произносимым «здравствуйте» я уже наградил героиню «Шаманики», волей случая и желанием автора переместившейся из современной Москвы во времена наивысшего расцвета гуманистических идеалов итальянской философии. Получилось смешно.

Совсем другое дело, когда энтузиасты сленго-лингвистических экспериментов забывают до отказа свой лексикон словечками, не имеющими общего с нормальной речью ровным счётом ничего. Таких стараюсь обходить, но ведь у каждого из нас есть такой знакомый – айтишник, геймер или ещё какой посланник албанской субкультуры. Есть такой знакомец, точнее знакомая, и у меня. Зовут Алиной.

Признаюсь, всё начинается всегда невинно, а ларчик Пандоры Алина вместе с крышкой традиционно выламывает за обедом. Обедаем мы обычно вместе на Рождественском бульваре, в кофейне «Левады».

Сегодня первый тревожный звоночек начался со слова «бжу» в тот самый момент, когда я разглядывал за окном виды старой Москвы, обрамлённые белокирпичным интерьером коворкинга. Моя визави трещала как сорока, распаляясь и возбуждаясь от собственного стрёкота. У неё красивый певческий голос с весьма широким диапазоном грудного регистра, не голос, а музыкальный инструмент. Алину приятно просто слушать, как например, классическую оперную партию, в которой слов ни черта не разобрать, да это, в общем, и не нужно. Как только ты начинаешь вслушиваться в текст, волшебство звучания пропадает. Но последняя, пропетая Алиной фраза привлекла моё внимание. Она звучала примерно так:

– Я купила новый номер «Похудея», подписалась на пару бьюти-блогов, установила в айфоне счётчик калорий и бжу.

– Зачем? – спросил я не столько из любопытства, сколько ради закрепления только что услышанного. Осознать нависшую опасность я пока не мог, поэтому по привычке сконцентрировался на неизвестном термине и попытался встроить его в свою лингвистическую систему координат. Короткое в три буквы слово категорически отказывалось это делать. Тогда я просто достал блокнот и дополнил столбец ещё одной записью. «Непременно погуглю», – утешил я себя, на том и успокоился.

Я допил капучино и обмакнул губы салфеткой с угловатыми, стилизованными под шрифт печатной машины буквами «LVD coworking space». В коворкинг спейсе главный офисный планктон представлен в большинстве своём фрилансерами – безурочниками с разной восприимчивостью к организации труда. Самоорганизация Алины на низком уровне, и это крайне дурно влияет на меня, несмотря на то, что сферы нашей деятельности не пересекаются даже рядом. Алина – доула, я – писатель. Это так же близко, как консьерж и сомелье. Ну, то есть совсем даже не рядом. Хотя сидим мы за прозрачной перегородкой всего в каком-то метре друг от друга, пользуемся одним вай-фаем, кулером и вендинг-автоматом, делим обеденное время на двоих и знаем достаточно о личной жизни друг друга, чтобы заменить привычный в таких случаях флирт на обоюдное потворство.

В своё время неопознанное слово «доула» мне, так же как и «бжу», пришлось фиксировать в памяти, чтобы набивать затем в строке поиска и узнавать – это специалист по немедицинскому сопровождению рожениц. Ну там, информационная поддержка, эмоциональная, моральная. Одним словом, доула – творец уютной и комфортной атмосферы для женщины, собирающейся в ближайшее время стать мамой. Примечательно, но в наше время это можно делать не отрываясь от компьютера, что бесспорно преимущество профессии. Фактически Алина творческий фрилансер, сражающийся в Instagram и Telegram с монстрами предродовых и послеродовых страхов.

Поскольку доулы несут дзен и просветление, то должны а priori владеть качествами фертильного наставника, то есть обладать навыком материнства, живинкой в меру феминистского экзистенциализма, пренебрежением к советам идиотов-педиатров и стройной подтянутой фигурой несмотря и вопреки. Последнее условие особо важно, поскольку несёт посыл и подаёт надежды. И вот тут-то у Алины, как раз, затык. Не берусь судить, насколько проблема надумана, но очевидно, что она всё же имеет место быть скорее не на бёдрах и боках, а где-то в нейронах головного мозга в виде большой, могучей кучи флуда. И эта куча флуда обильно удобрена сленговым навозом. К слову, бжу – соотношение белков, жиров и углеводов, необходимых для контроля физической формы. Всё молниеносно складывается на свои места.

– Как зачем? – искренне не поняла вопроса Алина, наматывая на вилку пасту карбонара, заказанную в итальянском дворике через квартал. – Мой внутренний хомяк гневно топает лапами и трясёт набитыми щеками.

– Очень образно! – похвалил я Алину, догадываясь о чём пойдёт речь. Конечно, о фитболе и анекдотичных трениках с пузырями на коленках. Потому что, когда Алинин хомяк начинает чем-то там трясти, все разговоры неизбежно сводятся к мячикам, калориям и клубу анонимных обжор.

Так вот: обычно я лояльно отношусь к модным изменениям языка. Но те фортели, что вытворяют эти анонимцы не входят ни в какие рамки. Для меня, как для представителя мужского племени, исключительно интересен и тот факт, что при всех треволнениях и ипохондриях Алины, она чувствует себя вполне востребованной мужчинами и всячески пропагандирует боди-позитив. Если это не ханжество, то что?

Впрочем, задаваться подобными вопросами лучше про себя. Словоохотливость Алины как качество личности следует уважать и ни в коем случае не обрывать на полуслове. Поэтому самое интересное в нашем разговоре-монологе случается где-то на пятнадцатой минуте, когда в моём кармане тихо, но настойчиво тренькает телефон.

Не подумайте, что я брезгую общением с Алиной. Путанность узуса вкупе с косностью её суждений по-своему ценны. После таких спичей я и сам нет-нет, да и начинаю засматриваться на собственное отражение в зеркале, подумывая всё чаще о самокритике и пеших прогулках. Но телефонный звонок на проверку оказывается больше, чем порцией информации. Я получаю короткое, в несколько предложений изложение неприятного сюрприза, после которого я, опалённый праведным возмущением, восклицаю:

– Юлиан, нельзя вот так просто взять и уволить по телефону человека!

Алина сморгнула изумление и затихла, понимая, что это я – тот самый человек.

– Фактически, – холодным, бесцветным голосом процедили на том конце трубки, – тебя никто не увольняет. Договор, подписанный Сергеем Владимировичем, остаётся в силе.

– Какой толк от договора, если одна из сторон его не исполняет?

– Слушай, побереги эти сотрясения воздуха для кого-нибудь другого. Я всего лишь исполнитель. Мне было поручено сказать тебе, и я сказал.

– Прибережь, говоришь? – я нервно помассировал шею горячей, вспотевшей ладонью. – Я так и сделаю! Нет, серьёзно, так и сделаю. Где сейчас Сергей Владимирович?

– Сергей Владимирович занят, – быстро перебил меня Юлиан. – У него сегодня интервью на радио, потом встреча с читателями, автограф-сессия. Ну, ты знаешь, это всегда надолго.

– Встреча в Доме книги?

Судя по реакции моё предположение оказалось верным.

– Послушай: давай без истерик, да? – Юлиан запыхтел в трубку. – Ты сейчас поедешь домой, хорошенько проспишься, а завтра...

Я отключил телефон и встал из-за стола.

– Всё нормально? – спросила Алина. Мой растревоженный вид говорил, что это не самый уместный вопрос.

– Одолжи машину, – попросил я. – На пару-тройку часов.

– Не больше, – после секунды раздумий подытожила Алина. – Мне в пять забирать Сержа.

– Я помню, – сказал я, прекрасно зная, что пятилетнего Сержа из детского сада всегда забирает муж Алины Левон, за исключением вторника и пятницы. Сегодня вторник, а значит...

– У мужа сегодня хоккей, – томно вздохнула Алина, доставая из сумочки ключи с брелоком иммобилайзера. – Он считает его самым важным видом спорта для мужчины... после секса, конечно! – И она похотливо хихикнула, но перестаралась: получилось, как у актёра уровня массовки.

– Переигрываешь, подруга! – честно предупредил я Алину и, послав ей воздушный поцелуй, спешно выбежал на улицу.

Давайте отвлечёмся и представим на минуту следующую ситуацию: допустим, вы пишете остросоциальные стихи, вскрываете, так сказать, пороки общества, обнажаете всю правду-матку. В издательстве, где вы хотите публиковаться (а вы, естественно, хотите, прям аж до боли, до истерик!), говорят откровенно, без обиняков, прямо вам в лицо, что в наше время поэзию монетизировать невозможно. Ну, мол, было когда-то клёво читать стихи, а теперь это нафиг никому не надо. Ну, вы возмущаетесь там, разумеется, приводите в пример Полозкову, Астахову, на что получаете откровенно сексистский ответ относительно чего-то такого, что есть у Полозковой и Астаховой, но нет и никогда не будет у вас. Ответ выходит грубоватым, поэтому издатель, чтобы как-то сгладить неделикатность, хлопает почти по-отечески вас по плечу и даёт совет: хотите публикаций, пишите прозу, у нас подход, знаете ли, к литературе старорежимный: то есть чем толще, тем лучше.

Я на вашем месте бы расстроился. Собственно я так и сделал. Вспомнил участие и победу в поэтической олимпиаде и приглашение в Москву, где румяные и толстощёкие доценты, подобно христовым невестам, устроили смотрины хозяйства жениха – вылавливание божьих искр из уцелевшей после жёсткого отсева абитуры. Один особо пожилой доцент с седыми баками послушал «Сокровище Пижанки» и без дальних разговоров наградил меня не то почётным, не то обидным прозвищем. Он так и сказал: «Местечковый миннезингер – вот ты кто, приятель!» Глянул своими бездонными, бесцветными глазами и добавил: «По этим коридорам ходил Рубцов и Приставкин, Гамзатов и Рождественский. И ты далеко пойдёшь. Потому что имеешь вкус». Из чего был сделан вывод, что педагог всё же не дразнился.

Но вкус из-за столичных метроманов быстро испортился. Испортился сам воздух в текстах, его просто не стало. Я получал право быть поэтом, я выбирал свободу, побуждающей по Генису и Вайлю, к «квантам истины». Но не случилось сиять, я как-то незаметно лишился стремления к духовной революции. Аккурат к моменту вручения диплома стихосложение вместе с блокнотом в сером коленкоре потерялись, подвинулись и отошли на задний план, уступив место не очень поэтичной ткани жизни, грубоватой и безвкусной выкройке её фасона. И первое, чему научила житейская проза, была вымученная мысль: иметь право и быть поэтом всё же не одно и то же. Доценты это знали, но до поры до времени молчали.

Ведь вопрос «что пишет поэт?» логически подразумевает ответ – стихи. Мне довольно трудно объяснить, как соотносятся между собой проза и поэзия, но у меня складывается ощущение, что между ними есть граница, несмотря на то, что писатель и поэт одним миром мазаны, их смысл жизни по сути одинаковой природы – писать. Линия раздела между стихами и романами всё же есть в том, что первые пишутся спонтанно, инстинктивно, даже где-то неожиданно, а вторые, простите, требуют детального плана и времени, потому что написать неожиданно роман – это всё-таки, скорее исключение, чем правило. Муркок как-то написал роман за два дня, а Бёрджесс за пару недель. Правда, у автора «Заводного апельсина» был особый случай: ему поставили диагноз «рак» и заявили, что жить осталось не больше тех самых пресловутых двух недель. Хотя это всего лишь подтверждает правило эффективного тайм-менеджмента: не забывайте расставлять приоритеты. Именно эти слова я услышал на прощание перед тем, как за мною захлопнули дверь.

Да, наверно, я слишком лично воспринял совет, потому принялся писать много и взлѐб. Через три месяца издатель меня уже не прогоняет: перед собой, как знамя партии, я гордо держу увесистую рукопись. Издатель вынужден признать: написано недурно, «рыночно», но раскручивать моё имя у него нет ни малейшего желания. Именно эти слова он произносит, когда предлагает издать роман под другой фамилией, поясняя, что условный Семизалупкин на обложке моей (моей же!) книги – раскрученный писательский бренд. И вот фактически мне выдают лицензию на творческую эвтаназию, я сам не замечаю, как скатываюсь по наклонной: от поэта к романисту, от романиста к беллетристу и, наконец, однажды, приходит понимание того, что я уже ни разу не художник, а обычная литературная шлюха, у которой тысяча оправданий и ни одного права на собственные амбиции. Впрочем, одно право всё же есть: это профессиональное достоинство. На вопрос «Что ты умеешь?» можно отвечать: умею всё, только не целую в губы.

Вот с этого момента, пожалуй, стоит поподробнее – и начать (продолжить?) следовало бы, вернувшись к фразе «...я – писатель». Да, давайте называть вещи своими именами. Даже автор одной книги, получив известность только по одному произведению, может называться писателем. Харпер Ли – писатель, Маргарет Митчелл – вне всяких сомнений, Александр Грибоедов – конечно, и это подтвердит любой школьник. Называть себя писателем я могу только в компании людей, с которыми знаком от силы полчаса. Потому что эта категория «шапочных знакомых» ещё не знает меня достаточно, чтобы спросить в лоб фамилию и ближайший книжный, где можно что-то почитать из моего.

«Что-то из моего» – эта фраза меня, честно, бесит. Что это вообще значит: что-то из моего? Дюма-отец, на счету которого более трёхсот романов, на такой вопрос, конечно, нашѐлся что ответить, хотя мало кто знает, что француз-писака по-настоящему «своего» писал не очень-то и много. В литературной Франции уже сто с лишним лет назад гуляло выражение *negres littéraires*. Наверняка, кто-то вот так же, как и я, фиксировал в памяти новомодное словечко, чтобы после втихаря разузнать его определение, а разузнав, немало удивлялся: оказывается, даже в издательском мире есть трудолюбивые рабы, натирающие мозоли на литературных плантациях белых господинов. Так вот, Адам Варашев – не писатель, потому фраза «я – писатель» с моей стороны не больше, чем бравада. Если бы у меня были визитки, которыми

обмениваются на деловых встречах, на них следовало написать род деятельности – «литературный негр».

В Великой банановой империи инвазивный метод убеждения, именуемый политкорректностью, родил термин *ghost writer* – гострайтер, призрак пера, который русскому народу, генетически чуждому ко всякой там корректности, не очень ясен, оттого-то, наверно, на стыке вульгарной этимологии и вербальной нечистоплотности у нас прижилось недалеко ушедшее от «негра» слово «книгтер». Отношение белого хозяина к книгтеру напоминает чем-то отношение зрелого мужчины к бляди, где роль законной супруги исполняет Муза – ну, помните, та самая молодая женщина из древней Греции, одеяние которой (цитирую по памяти) из самого легкого шелка, просторное, белоснежное, как тучи ясного дня; её нежные волосы, слегка закрученные, спадают на грудь, а в волосах золотой гребень с драгоценными изумрудами, и в руках её маленький хрустальный флакон, в котором хранит она всю мудрость озарения.

Да-да, та самая! Угодники Музы примерно знают, кто из товарищей по цеху налево похаживает. Казалось бы, тактичнее промолчать, ан нет: малодушная дипломатия должна уступить дорогу животной агрессии. «Сор из избы» время от времени всплывает в виде жареных сенсаций в СМИ с разоблачениями известных литераторов. Как знать, может каждый человек творчества мечтает о своей *femme fatale*, а получает вместо этого продукт фантазии древних греков или строчкогона с пушком над верхней губой. И вот все эти, с позволения, сочинители чудесно варятся в одном котле в бульоне из метафор и аллегорий, а там всё очень жутко, потому что пенка на поверхности – это свернувшийся белок потаённых смыслов, который следует снимать хотя бы из эстетических соображений.

Разумеется, пока я продирался по московским пробкам на Алинином небесно-голубом «ситроене», у меня было достаточно времени, чтобы состряпать и запечь наизощрённейший план мести. Но вся безысходность ситуации заключалась в другом: я знал, что очевидно никогда не претворю его в жизнь. Любые разоблачения писателей в эксплуатации книгтеров происходили без помощи последних, потому как надо совсем сильно не любить себя и не видеть в профессии писателя, чтобы искать *casus belli* на своё филейное место пониже спины. Мне всегда казалось, что кляззниками, стукачами и прочими осведомителями движут две особо разрушительные силы, а именно зависть и ненависть, а раболепие, пресмыкательство и подбодрание бесконечно далеки от этих мощнейших стихий.

Ещё на Садовом кольце, где машины стояли в два ряда, я начал паниковать, предвкушая проблемы с парковкой на Новом Арбате, на котором всегда всё непросто: парковаться на улице нельзя, места на тротуарах забиты. Я вильнул на Поварскую, там было посвободнее. Отсюда до Дома книги можно дойти пешком минут за пятнадцать, если нырнуть в Борисоглебский и срезать наискосок. Я глянул на запястье и вздрогнул: дорога отняла почти полтора часа жизни. Чтобы как-то компенсировать кризис времени, решил попытать счастья с парковкой в Борисоглебском и, сильно довольный собой, таки смог найти местечко. По дороге к книжному, в том же переулке я обнаружил ещё много свободных мест, но решил сильно не расстраиваться. Поводов для этого хватало.

Когда я только поступил в Литературный институт, Дом книги на Арбате уверенно лидировал в верхней строчке хит-парада любимых московских мест. Отношения с фаворитом складывались странные. Вначале я был кем-то вроде узника совести, только наоборот, то есть бродить часами вдоль книжных полок вместо того, чтобы торчать на лекциях, было не так совестно. Затем занятия разбухли и выкустились, они стали скучнее, а я циничнее, и муки совести, как ненужные придатки отпали сами собой. Теперь я захаживал в магазин больше для знакомства не с книгами, а с молодыми женщинами, потому брожению вдоль полок предпочитал томное стреляние глазами. Никаких сверхособенностей пикапера не требовалось, чтобы пеленговать псевдоинтеллектуальность и псевдоглубину таких псевдоучилок в очках-велоси-

педах без диоптрий, заламывающих пальчиком место закладки классика в мягкой обложке. Все эти ботинки-криперы, рубашки на пуговицах, юбки макси и кружева hand made служили чем-то вроде ярлычков-меток, на которые срабатывала моя внутренняя рамка-антенна. Разговор с дамским контингентом завязывался легко и буднично: обычно я просил посоветовать какую-нибудь книгу, просто хорошего автора и часто за между прочим добавлял, что и сам-то без пяти минут поэт. Это всегда действовало, как детонатор на тротилловую шашку, то есть бум – и всё, она твоя! Не верьте, если говорят, что девочкам нравятся плохие мальчики: всё как раз наоборот. От детства ничего не сохранилось – ни первых поэтических опытов, ни даже фотографий. Зато студенчество пестрело многочисленными лирическими посвящениями на казённой бумаге и я, всегда рассчитывая отделаться интрижкой, умудрялся крепко приложиться головой к абстрактной планке «амурные дела». Посвящения «единственной» писал тут же на ходу в каком-нибудь кафе, куда мы плавно и органично перемещались. Всегда были долгие беседы за чашкой кофе/чая и на прощание, как следствие, ряд цифр на салфетке. Правда, иногда события другого дня показывали, что номер телефона надиктован левый. На том конце трубки меня не узнавали и уверяли, что ошиблись номером. Да, это можно было списать на мою или её рассеянность, но тешить себя подобной наивной мыслью не приходилось. Один приятель, предпочитающий книжным магазинам продовольственные (он заводил знакомства в очереди), очень метко подмечал: «послала не на три буквы, а на десять цифр».

По прошествии десяти лет, конечно, я завязал знакомиться в книжных магазинах. Наверно, теперь так делают только совсем законченные ретрограды или слишком уверенные в себе альфа-самцы. У меня вдруг не стало любимых мест. Я это понял, когда с удивлением обнаружил, что за последние года три лишь однажды выбирался куда-то, кроме «Левады». Просто так, чтобы развеяться. Кажется, в последний раз это было в «Турандоте» после второго «Басилевса». Конечно, гульнул тогда неплохо: на половину гонорара. Но это была стадия «алярма», когда организм, истощённый сумасшедшим ритмом, требовал немедленной паузы или, хотя бы, замедления. Закончить продолжение нашумевшего дебюта издатель требовал за месяц, это значило выдавать каждые два дня по 40 тысяч знаков. Таких темпов работы до этого мой организм не знал. Спустя месяц, сдав рукопись в срок, я, шатаясь от усталости и хронического недосыпания, отправился в бухгалтерию за конвертом, а оттуда напрямик в самый дорогой столичный ресторан. Окончательный выбор за меня принимал таксист, поэтому «Турандот» нельзя назвать любимым местом. Во-первых, я был там всего один раз, а во-вторых, совершенно ничего не помню, кроме того, что по-пролетарски охально накачался двумя бутылками текилы под рыбную закуску от шеф-повара. По мне, так это могло бы послужить отличным примером гештальттерапии, но речь-то не об этом.

Четыре с половиной года назад я познакомился с Сергеем Луниным. До того дня об этом человеке я ничего не знал, кроме того, что он был когда-то протеже Марка Яхимовича, в миру больше известного по псевдониму Марсель Неуловимый. Этот самый Лунин начинал кондитером, продолжал конфетным коммерсантом, затем перековался в писатели-фантасты и в этой ипостаси время от времени мелькал в лидерах продаж. За полгода до нашего знакомства бывший кондитер вошёл в попечительский совет продюсерского центра имени самого себя и завладел 51 % акций издательского дома «Grizzly book». По воле случая именно в то время я обивал пороги этого издательства с завидным усердием и настойчивостью.

Фамилия Лунина на обложке моего дебютного романа стала неожиданностью. По условиям нашей сделки до выхода книги в свет я не мог знать о заказчике. Конечно, издание и пиар книги – это половина успеха. Но на примере «Басилевса» Сергея Лунина я понял, что шикарная пиар-компания помноженная на раскрученное имя – это не пятьдесят, а девяносто девять процентов успеха. Оставшийся – один – приходится на содержание, и я его достойно отработал.

Законы издательского дела незыблемы: очень скоро мне позвонили и предложили работу на контрактной основе. Гораздо позже я узнал, что таких «контрактников» у Лунина сформирован целый штат. Каждый работает независимо друг от друга. Продюсерский центр обеспечивает сотрудников макбуками, оплачивает коворкинг и даже официально перечисляет какую-то «белую» зарплату. Полагаю, что по бумагам должности у всех одинаковые: мы числимся штатными корректорами. Одни «корректоры» наняты, чтобы от имени писателя клепать хвалебные рецензии, другие, наоборот, разгромные: у тех и у других, уверен, свои заказчики. Есть парочка молодых талантливых ребят с журфака МГУ: им дают интервью в журналах и интернет-изданиях. Разумеется, все считают, что на вопросы журналистов отвечает сам Сергей Владимирович. Я, кстати, читал несколько – прекрасный слог, сдержанный сарказм и потрясающая осведомлённость, одним словом, эти парни знают своё дело.

Ещё одна категория «корректоров», вроде меня, занимается заполнением книжных серий, которых у Сергея Владимировича две. «Василеве» оказался отправной точкой для серии «Анахронизмы». После него были «Рождение Басилевса», «Трио хроникла», «Рефлекс О'Генри» и ещё десяток книг. Немногим позже «Анахронизмов» появился «Дабл-клик» – литературная серия скай-фай фантастики про геймера, придумавшего игровую вселенную и ставшую реальной для его создателя. Неизвестный мне автор пишет с тем же усердием и темпом, но своевольничает с материалом более прециозно, казистее. Неутешительный для меня итог: серия «Дабл-клика» издаётся большим тиражом. Седьмая книга под названием «Го-стронг» из «Дабл-клика» была переведена на английский и адаптирована под графический роман, который вошёл в двадцатку лучших по версии Comic-Con 2016 в Сан-Диего. Всё это были тревожные звоночки для меня, сорвавшего джек-пот в самом начале звёздного пути – заслуга несомненная, но утратившая блеск из-за своей неновизны. Помните, как в «Адвокате дьявола»: старт был неплох, но ни у кого не получалось выигрывать всю жизнь. Так что, побеждай или погибай, третьего не дано. Кажется, эту мысль пытался донести Юлиан, когда говорил, что мне пора менять репертуар.

Юлиана я увидел почти сразу, едва поднялся на второй этаж и повернул налево в сторону литературного кафе, где шоу под названием «Ух ты, живой писатель!» подходило к апогею. Литературный агент Сергея Владимировича стоял в стороне от центра событий и деловито щебетал по телефону. Он был одет с иголочки, как того требует бизнесэтикет: консервативный костюм в полоску, однотонная рубашка, под которую прекрасно шёл тщательно подобранный им галстук с рисунком синих и коричневых тонов, и элегантные лоферы с низким широким каблуком. Но всё же он был не столь солиден и авторитетен, как образчик делового стиля в исполнении Лунина, который собственно и был тем самым эпицентром. Уверен, что со стороны Юлиана это был тонкий расчёт с прогибом в сторону начальства. Литературный агент понимал, что должен выглядеть безупречно, но всё же чуть-чуть хуже, чем шеф – менее изысканно, недостаточно дорого, одним словом, исполнять психологическую роль «страшной подружки».

Лунин сидел на сцене перед аудиторией, вальяжно развалившись на стуле. Рядом с ним стоял журнальный столик, на котором возвышалась стопка «Го-стронгов» в красочных супер-обложках. Рядом с книгами стояла табличка, представляющая гостя. По забитому людьми залу, огибая столики, нервно бегал худощавый модератор, пытаясь вырвать из толпы наиболее интересного персонажа. Когда селективный отбор, наконец, происходил, модератор тянулся к человеку, пытаясь подсунуть под его лицо микрофон.

– Уважаемый Сергей Владимирович, – раздалось в динамиках, когда микрофон достиг цель, – во-первых, спасибо вам за ваше творчество! Я читаю взахлёб всё, что вы пишете и искренне поражён вашей работоспособностью! Всем бы так! Известно, что авторы идут на разные ухищрения, чтобы обуздать свой творческий процесс. Например, Хемингуэй злоупотреблял спиртным и даже позволял себе работать с похмелья, а вот Мураками, наоборот, не пьёт и

не курит, занимается бегом, слушает музыку, утверждая, что повторяющийся режим помогает ему лучше погрузиться в транс.

– Рад за обоих! – улыбнулся Сергей Владимирович. – А в чём вопрос?

Я встретился взглядом с Юлианом, но тот сделал страшные глаза и потерял ко мне всякий интерес.

– Мой вопрос такой: как вы строите свой творческий процесс, точнее, как вы заставляете себя работать? Какие у вас, так сказать, методы погружения в необходимое для творчества состояние?

– Знаете, – чуть помедлив, ответил Сергей Владимирович, – открою страшную тайну присутствующим: для написания книги, скажем, не только книги, а любого продукта творчества не нужно вдохновение. Музу придумали лодыри, чтобы найти оправдание своему безделью. Всегда же есть бьющий наотмашь аргумент: нет вдохновения – и точка. Применительно к писателям скажу, что нельзя не писать неделями, чтобы потом сесть и накатать полкнижки за ночь. Так не бывает! Истинная формула вдохновения – это каждодневное погружение в иллюзорную реальность не по велению музы, а по требованию распорядка дня. Человек искусства тоже ремесленник, между прочим. И с этой мыслью надо свыкнуться, смириться, прежде всего, самому автору. Я считаю, если ты носишь гордое право называться писателем, будь добр, доказывай это на бумаге по восемь-десять часов в сутки, а не от случая к случаю. Вот так!

– Спасибо, – пропел фальцетом модератор, – по-моему, замечательное наблюдение. У нас остаётся последний вопрос и мы, как было заявлено в начале дискуссии, переходим к завершающей части нашей презентации, где писатель Сергей Лунин сможет каждому желающему оставить автограф на экземпляре его нового иллюстрированного изложения романа.

Модератор окинул зал беглым оценивающим взглядом. Каким-то неведомым чувством я заставил его задержаться на мне и резко вскинул руку вверх, давая понять, что у меня есть вопрос.

– А у нас есть последний вопрос! – выкристаллизовал мою мысль ведущий и устремил свой микрофон ко мне.

– Добрый день! Адам Варашев, – представился я, и Лунин тут же узнал меня. – Моя профессия, Сергей Владимирович, требует, в отличие от вашей, не творческих усилий, а чисто механических, связанных, прежде всего, с проверкой текстов на соответствие нормам языка. Я корректор и суть моей профессии проста, что, впрочем, не умаляет её значимости: ошибки и опечатки делают даже самые грамотные люди – по невнимательности, из-за большой загруженности или высокой скорости работы. Так вот, даже если представить, что вы трудитесь по 8-10 часов в день и сопоставить это с тем объёмом текста, который выходит из-под вашего пера, то получается, что ваш темп, чтобы успевать, должен составлять не меньше 10 тысяч символов в час, и это без перерывов на туалет, прием пищи и раздумываний над сюжетом. Далеко не каждый коррективщик похвастает такой скоростью проверки текста, не говоря уже о его создании с нуля. А мой вопрос такой: ваши корректоры справляются с работой?

– Любопытный вопрос, – засмеялся Лунин, и этот смех мне показался слишком самоуверенным. – На вашем месте, господин Варашев, я бы адресовал его издателям «Гризли Бука». Именно это издательство занимается всей предпечатной подготовкой моих книг. Я думаю, вы сможете получить там компетентный ответ. Но если вам интересно моё мнение, то я скажу: да. Думаю, что справляются, ведь это профессионалы своего дела. Уверен, вы понимаете меня.

– Даже больше, чем вы думаете, – ответил я с жаром, и прежде, чем микрофон успел оказаться в руках модератора, бросил на прощание: – Только непонятно, отчего с профессионалами своего дела расстаются, как с неэффективными и ненадёжными работниками? Чем они заслужили такое отношение к себе?

– С ума сошёл, что ли! – зашипел мне в ухо подоспевший Юлиан и быстро оттащил в сторону книжных баннеров. – Что ты хочешь этим доказать?

- Отпусти! – Я вывернулся из цепких объятий Юлиана.
- Мы обсудили всё по телефону. Зачем приехал?
- Книгу подписать!
- Какую книгу?
- Например, вот эту!

Я схватил с полки «Рождение Басилевса» и демонстративно прошёл на кассу. Юлиан не отставал.

- Шестьсот семьдесят, – пропела девушка, считывая сканером штрих-код товара.
- Да, пожалуйста, по карте, – сказал я, прикладывая банковскую карту к терминалу.
- Заканчивай этот цирк! – устало сказал Юлиан. – Зачем ты на ровном месте создаёшь себе проблемы?

– Ты о чём? – я зашелестел перед лицом Юлиана фирменным пакетом с покупкой. – Я всего лишь хочу подписать книгу у автора. Мне очень нравится, как он пишет. Действительно!

– Да, я понял, только ты ничего не добьёшься. Забудь, просто забудь. На твоё место уже взяли другого человека.

– Значит, всё-таки серию не закрыли, – я стиснул зубы, – закрыли меня!

– Адамчик, я тебя отлично понимаю. Это обидно, да, но так бывает... отнесись к этому, как к возможности что-то изменить в своей жизни к лучшему.

– К лучшему, Юлиан? Ты говоришь, к лучшему? Ты грёбаный сказочник! Ты Христиан, мать твою, Андерсен. Вот, кто ты! «Шаманика» написана на треть. В конце месяца мне платить за квартиру. Чем? Распечатками никому не нужных текстов? Меня просто выставят за дверь на улицу. А что дальше: обратный билет в Пижанку? Это, по-твоему, изменит жизнь к лучшему?

– Так, стоп, – Юлиан поднял ладонь, – я повторяю ещё раз: договор остаётся в силе. Ты в штате, никто тебя не увольняет. Во всяком случае, пока. Оформим тебе через бухгалтерию оплачиваемый отпуск на месяц. На первое время сможешь подлатать финансовые дыры. Нет, – Юлиан восторженно сам себя прервал. – Сделаем лучше: выпишу тебе премию из фонда. Лично поговорю с Луниным, всё объясню. Он пойдёт на встречу.

– Какую премию, Юлиан? – спросил я устало. – Пулитцеровскую или Нобелевскую, а?

– Ну, чего ты кривляешься? Я же для тебя стараюсь!

– Ты для себя стараешься! Думаешь, я не понимаю, что за этими обещаниями не стоит ничего, кроме пустого звука. Оплачиваемый отпуск, премия. Что за бред? Твоё дело сейчас меня спроводить восвояси, чтобы ненароком я чего лишнего не наболтал на публику. Не наболтаю, не бойся. На! – я всучил книгу в руки Юлиану. – Я, правда, хотел автограф, чтобы персонально для Варашева. А ты... эх, ты!

Я оставил Юлиана, а сам сбежал вниз по лестнице, чтобы побыстрее окунуться в стильный, чуть солоноватый от пыли воздух города. Постоял, прислонившись к шероховатой едва прогретой солнцем стене. Вдохнул, выдохнул, снова наполнил грудь печальным, тоскливым вздохом, оттолкнулся и побрёл уже не спеша к машине. Навстречу мне неровным строем двигалась галдящая толпа азиатов. Туристы цедили японскую газировку из автомата, метили крючковатыми пальцами в невидимые мне ориентиры местности, фотографировали и загораживались от солнца ладонями. Поравнявшись со мной, толпа сильно заспорила о чём-то, и ко мне немедленно отделился делегат. На ломаном русском он поинтересовался, как пройти к Арбату. Понятно, что пилигрим имел в виду одну из самых старых московских улиц, а вовсе «не новую вставную челюсть», о которой так метко иронизировал писатель Нагибин. Поэтому я махнул рукой на подземный переход, откуда доносились звуки не лучшего исполнителя на свете, а потом указал на километровый стилобат с магазинами, соединяющий четыре известных новоярбатских дома-«книжки», давая понять, что их следует обойти слева и спуститься вниз по Арбатскому переулку.

– Арр-бацкай! – повторил за мной по слогам интурист и радостно закивал головой. – Тасибо! Башой та-сибо!

– Обращайся! – благодушно кивнул я ему, как старому знакомому, а сам свернул в другую сторону – к церкви Святого Симеона. Мимо меня проплыл «зелёный крокодил» с мигалкой, столь ненавидимый всеми водителями. Я проводил недоумённым взглядом эвакуатор: на платформе, зажатой цепкими объятиями манипулятора, покачивался небесно-голубой «ситроен».

– Нет, пожалуйста, только не это! – взмолился я, обращаясь к невидимым силам. Ускорил шаг, едва не срываясь на бег, но мысленно подбодрил себя, что небесно-голубых «ситроенов» в Москве хватает. Соломинка была слишком тонка для примера логичного довода, но разум за неё цеплялся до последнего.

– Вот же сука! – отругал я себя, обнаружив вместо машины запрещающий знак, который почему-то не заметил раньше. – Мерзкая, глупая тварь!

Я опустил на корточки и обхватил голову руками. В кармане разразился трелью телефон. Если это Алина, то трубку лучше не брать, мелькнула мысль, но, конечно, я потянулся за аппаратом и с удивлением обнаружил, что звонил Юлиан.

– Юлиан, – начал я, – любая твоя новость сейчас поблекнет, потому что всё плохое, что могло случиться, уже случилось.

– Когда тебе плохо, советую смотреть на тех, кому ещё хуже, – сказал Юлиан. – Это даже не совет, а предложение!

– Серьёзно? Что за предложение?

– Я тут подумал... в общем, ты прав насчёт всей этой ситуации. Как-то очень по-скотски выходит. Короче, считай, что меня заела совесть, и я тут тебе по личной, так сказать, инициативе нашёл работу. Ну, как работу... халтурку.

– Забавно. Что за халтурка?

– У меня давно висит заказик одного клиента. Клиент хочет мемуары, ищет личного биографа.

– Хуже работу не мог мне подыскать? – скривился я, – если, конечно, всё это не шутка! Какой из меня мемуарист?

– Это не шутка! – оборвал Юлиан. – Это реальные деньги! Клиент готов платить вперёд. Но это ещё не всё! Самого главного я не сказал. Есть что-то ещё, что ты должен знать.

– И что же это?

– Проблема в том, что клиент сидит.

– Что значит «сидит»? – не понял я.

– Отбывает наказание в местах, не столь отдалённых. Так понятнее?

– Так понятнее! И за что же он сидит?

– За убийство.

Глава 2

*Счастлив, кто падает вниз головой:
мир для него на миг – а иной.*

Владик Ходасевич

Если есть на свете что-то, что можно подвести к черте общечеловеческого, то это несомненно глупость, неистребимая, неискоренимая наша неспособность здраво рассуждать и здраво действовать. До сих пор остаётся загадкой, какие обстоятельства подвели меня к решению, заставляя перелицовывать верх с низом, в последний момент меняя убеждения и точку зрения. Ответ, наверное, кроется в коротком эпизоде, случившемся задолго до описываемых здесь событий. Дело было курсе на втором. Мой приятель, тот самый, кадрящий девчонок в продмаговских очередях, привёл в общагу очередную даму сердца. Скажем так, девочка не была своею в доску и как-то не пришлась ко двору нашей тусовки. Нет, она любила стихи, но преимущественно «богохульного» и «порнографического» Пимена Карпова, больше известного и почитаемого в узком кругу старообрядцев-чернокнижников. Острый аромат грехопадения, исходивший от девицы, близорукий беззастенчивый взгляд и лицо, опушённое серебряной пылью, словно персик, не столько привлекали, сколько отталкивали и внушали страх. Я спросил приятеля, чем определялся выбор странной девицы в рваной одежде, с бритыми висками и плотным слоем белой пудры на лице, неизменно таскающей подмышкой пименовский «Говор зорь». На что незамедлительно получил ответ: «Знаешь, Адамчик, – сказал он в привычной развязной манере, – на безголосье и жопа – соловей».

Парадоксы орнитологической нескладицы, как называю я подобные этой ситуации, встречаются на нашем жизненном пути довольно часто. Это было грубоватое сравнение, но, похоже, очень меткое. Действительно бывают в жизни такие условия и обстоятельства, когда принимать существующий порядок вещей становится проще, чем перекраивать их под себя. Глупость это или просветление – каждый сам решает для себя.

Исправительное учреждение, где отбывал наказание Ким Наркисов, находилось в полусотне километров от Москвы. Так сказал Юлиан, убеждая «съездить посмотреть одним глазком». От Щербинки, где моя малогабаритная «однушка» выходила крошечным окном на полоску Бутовского леса, получалось вдвое больше: направление горьковское, неудобное, а значит, пилить ещё через пол-Москвы с юга на восток. По словам Юлиана, у клиента были серьёзные намерения, он был готов хоть сейчас платить человеку, способному делать записи событий его жизни, а затем формировать их в полноценную литературную работу.

Я же думал и удивлялся: как должны колобродить мысли отбывающего наказание человека, чтобы склонять себя к созданию такого метажанра как мемуаристика. Мемуары всегда оставались притягательными для людей, игравших не последнюю роль в мировой истории, но в случае с Наркисовым... не знаю. Уже тот факт, что эту фамилию я прежде никогда не слышал, говорил не в пользу моего героя. Не слишком ли это отдавало нарциссизмом?

– Тебе-то что? – удивился Юлиан. – Прибереги психоанализ для кружка фрейдистов. Ты просто выполняешь чью-то прихоть. За деньги. Вот и всё!

Ну, допустим. По большому счёту, мемуары пишутся не о персоне, а об эпохе, зафиксированной в воспоминаниях персоны. Так что право на историю имеют не только Черчилль, Кастро или Форд. Да и кто сказал, что титаны своих эпох не были нарциссами? Были – ещё какими! Конечно же, из всего, что написано, ценится то, что написано хорошо. Но кто сказал, что у меня получится хорошо то, в чём я никогда не преуспевал?

– Скажу тебе кое-что, но без обид, – произнёс Юлиан, которому, судя по тягостному вздоху, порядком осточертело убеждать меня. – За семь лет работы литагентом я не встречал ни одного писателя. Книгоделателей, текстоклепателей – да, сколько угодно, а живого литератора в глаза не видел. Да, и откуда им взяться, в самом деле? Уж не из стен литинститута, это точно. И вот тебе, мой друг, персональный и бесплатный совет: не точи себя, как карандаш со сломанным грифелем. Кому нужно самоедство, особенно после того, как состряпал тринадцать томов макулатуры на заказ.

– Спасибо, можешь поддержать! – хмыкнул я в трубку, по сути, понимая, что возразить мне нечего.

– Я говорил, и повторю: ты делаешь работу, клиент тебе за неё платит. Всё. Точка.

– Откуда у эка деньги?

– Как откуда? Ты как думаешь, за чей счёт осуждённые содержатся на зоне?

– За счёт государства.

– Ну, если это обычная колония, то да, а если поселение, то «поселенцы» сами обеспечивают себя едой, одеждой и лекарствами. Они работают, получают зарплату, имеют деньги и пользуются ими.

Вообще, мотивчик, который пел мне по телефону Юлиан, очень был похож на тот, что напевали Алиса и Базилио беспечному Буратино, распаляясь перед ним о волшебном поле в стране Дураков. Успокаивало лишь то, что золотых монет, полученных от папы Карло на букварь, не было, а значит не было и риска. Или всё же был?

– В конце концов, – сказал мне Юлиан, стараясь скорее закончить разговор, – ты ничего не теряешь. Он платит аванс в любом случае. Если не сработаетесь, просто так и скажешь: извини, братан, творческого тандема у нас не сложилось. И будь свободен на все четыре стороны! Денег назад он не потребует. А я выступлю гарантом, поскольку обратился он ко мне и рекомендовал его я.

– Справедливо, – согласился я, а сам подумал: «Хорошо поёшь, собака! Убедительно!»

Добираться своим ходом (просить машину у Алины я не рискнул) выпало утренней электричкой с Курского вокзала, а дальше искать местное такси. Приложение Uber поблизости не показало ни одной машины. Пришлось, скрепя сердце, направиться к кучке привокзальных таксистов, бьющих нарды на капоте замызганной грязью легковушки. Юлиан заблаговременно прислал мне смс с адресом и по пути я глянул карту в телефоне. Прикинул: от железнодорожной станции до места выходило километров пять или около того. Назвал адрес. Из толпы вызвался один с изжёванным лицом и в такой же куртке из мятой кожи, согласился отвезти. «Пятьсот», – сказал, как отрезал он. Остальные не возражали, не возражал и я, понимая, что сложно перешибить фикс-прайс сплочённого братства местных «бомбил».

В машине я набрал номер Юлиана и выслушал его последние инструкции.

– Я отправил тебе электронную форму на почту – глянь! – вместо приветствия выпалил он. – Это заявление на имя начальника колонии о ходатайстве краткосрочного свидания с заключённым. Перепишешь синими чернилами от руки и поставишь вчерашнюю дату. Про бумагу и ручку я, кажется, тебе напоминал в Москве...

– Взял, – успокоил я, похлопывая по портфелю.

– Умница! Наркисову я ещё вчера написал о твоём приезде. Кстати, в переписке он просил тебя ускорить подписание заявления.

– Это как? – удивился я.

– По старинке: денежными знаками, – хмыкнул Юлиан. – Настаивал на твоей щедрости, писал, что компенсирует.

– А без денег никак? – расстроился я, с тревогой ощупывая полупустой бумажник.

– Можно и без денег, если не торопиться. Однако товарищ пишет, вот цитирую с экрана: купюра форсирует движение бумаги вверх к начальству. Это, во-первых. А во-вторых, даёт привилегию внеочередника.

– У них там что, по очереди?

– Фиг его! Этот Наркисов пишет путано, сбивчиво и как-то бессистемно, в общем, я мало, что вынес из его имейла. Как понял, в теории количество свиданий, положенных заключённому, не ограничено, а вот на практике всё иначе. Так что, в самом деле, не будь жмотом – дороже выйдет. И ещё: тебя будут шмонать. Жёстко. Не сопротивляйся! Выворачивай карманы и, вообще, всячески демонстрируй свою лояльность системе. Они это любят.

Таксомотор долго плутал по разбитым улицам, пока наконец не вырулил на утрамбованную гравием площадку перед двухэтажным зданием красного кирпича за колючей проволокой. Я расплатился, и под ногами хрустнули подёрнутые первым заморозком камушки.

Написанное в машине на коленке заявление вместе с пяти тысячной купюрой, вложенной в мой паспорт, утонуло в зарешеченном окошке КПП. Для себя я отметил неприятный факт, что на все расходы, включая обратную дорогу, осталась тысяча рублей с какой-то мелочью.

– Кем вы приходитесь заключённому? – задал ненужный вопрос дежурный, поскольку в заявлении была подобная графа.

– Мы приятели.

– Серьёзно? – дежурный изогнул шею и посверлил меня глазами.

– Ну конечно, – едва смутившись, ответил я.

– Он знает о вашем визите?

– Да, ему должны были сообщить.

– Ожидайте!

Окошко захлопнулось и открылось снова через пять минут. Ещё через пять, пройдя унифицированную процедуру досмотра, и лишившись на время мобильной связи, я очутился в длинном коридоре, берущем своё начало из ржавой клетки с тусклой лампочкой и путаницы электропроводов.

– Следуйте за мной! – сказал сержант, хранитель массивной связки ключей и буянившей разноголосьем рации.

В коридорах власти сильно пахло жжёной серой и иссохшей, облупленной штукатуркой. Мы прошли его насквозь и оказались перед другой решётчатой дверью. Мой проводитель что-то брякнул в рацию, и я услышал щелчок размагниченного замка. Он поиграл связкой и отомкнул небольшим плоским ключом обычный засов. Решётка перед нами распахнулась, и мы попали в тамбур с тремя хлипкими дверьми. Сержант прошёл к дальней – на ней висела лаконичная табличка, утверждающая, что внутри комната свиданий – и толкнул её, приглашая внутрь.

Голливуд уже приучил нас, что автомобиль после аварии обязательно взорвётся, а партнёры после секса откинутся на спину и душевно поболтают за сигаретой. Штампы, навязанные кинофильмами, порою крепки настолько, что чудеса перестрелки, позволяющие герою оставаться невредимым, уже никого не удивляют, как не удивляет чрезмерно информативная бомба с таймером обратного отсчёта и двумя маркированными проводами, возле которых не хватает только записки от злодея и маленьких никелированных кусачек. Наверно, Голливуду стоит сказать спасибо и за крепкий, ничем не смываемый образ переговорных комнат американских тюрем, в белых стенах которых выхолощенный охранник в очках и со жвачкой надёжно блюдёт порядок, пока заключённый и посетитель по разные стороны толстого пулезащитного стекла общаются друг с другом, приложив к уху массивную винилитовую трубку коммутатора.

Мои искажённые представления были опрокинуты уже одним только видом комнаты, которую можно описать, как самую обычную. Лобным местом служил утверждённый посе-

редине письменный стол цвета светлого ореха, когда-то полированный, а теперь затёртый со состояния гривенника в пивной. Вокруг стола в хаотичном беспорядке стояло четыре стула. Ещё один пустовал у самого входа, придвинутый вплотную настолько, что я споткнулся в попытке благополучно обогнуть его. По замыслу, это место предназначалось для конвойного. Его занял сопровождающий меня сержант. Он плюхнулся на стул и в его руках возник неведомо откуда пухлый, сшитый нитками делопроизводителя журнал. Он уточнил мою фамилию, инициалы, корявым почерком вписал в свободную графу и заставил расписаться напротив, пояснив, что инструктаж со мною проведён и я о чём-то там предупреждён. Затем он выскользнул наружу, но в одиночестве я пребывал недолго. Дверь с другой, «непарадной» стороны открылась почти сразу, и в комнату ввели короткостриженого, с острыми выпирающими скулами молодого человека. Он был одет в чёрное трико и наглухо застёгнутую олимпийку, справа на которой висел бейдж с чёрно-белой фотографией, номером, фамилией, именем и отчеством. Карточка с информацией о заключённом смывала любые сомнения: передо мной стоял Ким Каримович Наркисов 95-го года рождения.

Избитая мулька полагать, что возрастные кризы у мужчин подкатывают ближе к 40. Начиная с пубертатного периода всегда есть вероятность очутиться в группе риска. Современное поколение акселератов демонстрирует удивительную молодость бесов в рёбрах и седины в бородах. Это неизменно порождает странные поступки двадцатилетних, объяснить которых порой они не в силах. Думаю, что именно тяжёлый духовный кризис побуждает примерять новую социальную роль и переоценивать многие вещи. Очевидно, упорядочивание и документирование событий своей жизни можно отнести к тяжёлой форме возрастного кризиса, особенно если тебе 22.

Не буду пересказывать в подробностях нашу беседу, поскольку плохо сохранил её в памяти. Преамбулой к разговору служила странная фраза, после которой я был уже не столь внимателен к деталям.

– Хочу ясности с самого начала, – вместо приветствия сказал мне Ким. – Я клянусь сейчас вам, что меня подставили. Я никого не убивал. Вы мне верите?

Я снисходительно кивнул. Конечно, после этих слов всё стало окончательно на свои места.

– Ким, ты ещё кому-то говорил об этом, кроме меня? Там, адвокату, например, а?

– Я говорил об этом батюшке на причастии, у нас здесь свой приход.

– И что он сказал?

– Он сказал, что помыслы от лукавого всегда помогут нашему самолюбию найти оправдание себе. Сказал, что самооправданием человек только многократно умножает свою вину.

– Ты верующий человек?

– Мы здесь все немножко верующие, только каждый по-своему. Я верю в тюремные приметы.

– Такие есть?

– Отчего не быть? – удивился Ким. – Например, нельзя убивать паука. Он считается хозяином, так как всегда здесь живет. Перед вашим приездом я видел паука. Он полз вверх по паутине. Говорят, это к хорошим новостям. Знаете, верить на воле тяжелее, а здесь проще живётся с верой. В Бога, в человека, в символ, в случай. Не важно какая вера, лишь бы была. Вам там труднее с этим.

– Сейчас всем трудно. Одним врать, другим верить.

– Считаете, я вру?

– Я этого не говорил.

– Надо, чтобы верили, иначе не получится делать вместе дело.

– Какое дело?

– Нужное! Мне, вам, и полезное. Но вы должны поверить в мою невиновность.

– А зачем ты мне постоянно говоришь об этом? – удивился я, порядком раздражаясь от ситуации, её нелепости. – У меня нет никакой власти, ты должен это понимать. Я даже не писатель, я просто человек, который сочиняет тексты на заказ. Понимаешь? Вымысел – вот моя стихия. Мне за это платят деньги. Юлиан должен был тебе сказать. Он ведь сказал?

– Я клянусь сейчас вам...

Я не был настроен на дальнейшее общение. Я понимал, что этот мальчик просто тратит моё время. Я попытался вбить в его глупую башку, что ему нужен не писатель, а адвокат, не мемуары, а апелляция; что, если он считает себя невиновным – ради бога, только без моего участия. Признаюсь, в тот момент я был очень зол. У меня просто чесались кулаки засандалить ему в скулу, крикнуть в ухо что-нибудь вроде «Алаверды, дорогой, с меня поиметь нечего!»

Из трёх часов, отведённых на свидание, прошло не больше двадцати минут, когда моё терпение исчерпало весь лимит.

– Я не вижу смысла продолжать этот разговор, поэтому сейчас встану и уйду, – тихо, но убедительно сказал я и отодвинул стул, приподнимаясь.

Ким озабоченно потёр шею и наконец умолк.

– Ладно, – неожиданно согласился он. – Было больше пользы, если вы могли бы доверять мне с самого начала. Вижу, пока не получается. Юлиан меня обо всём предупредил. Вы не волнуйтесь. Обещанный аванс я выплачу, как договаривались, без всяких обязательств. Пожмём друг другу руки?

– Ты не обижайся! – я неожиданно размяк, почувствовав себя неловко.

– Я не обижаюсь! – простодушно ответил Ким и протянул мне широкую ладонь. Я принял её и почувствовал в своей ладони острый комок.

– Это ключ, – быстро пояснил он. – Ключ от банковской ячейки. Над вашей головой камера, постарайтесь незаметно убрать его в карман.

Я судорожно сунул сжатый в кулаке свёрток в боковой карман пиджака.

– Молодец! – похвалил Ким и мне показалось, на секунду, что в его голосе зазвучали саркастические нотки. – На брелоке есть номер – это номер нужной вам ячейки; в записке – адрес и некоторые пояснения. Всё очень просто!

– Насколько я знаю, доступ посторонним лицам к банковскому сейфу запрещён. Так что, боюсь...

– Не бойтесь, – перебил меня Ким. – Я позаботился заранее о вашем доступе, когда Юлиан прислал мне договор на оказание услуг, в нём были прописаны ваши паспортные данные. Теперь вы никакой не посторонний.

– Юлиан заключил с тобой договор от моего имени? – изумился я, пропустив мимо ушей гораздо более удивительный факт.

– Не беспокойтесь, он предварительный, – заверил Ким. – Договор будет аннулирован, как только вы заберёте из ячейки необходимую сумму.

– Что это значит: необходимую?

– Возьмёте столько, сколько посчитаете нужным – в договоре это не прописано – и сверху: на счёт плюс список.

– Я что-то запутался. Какой счёт? Какой список?

Ты о чём?

– Записка, – напомнил мне с улыбкой Ким. – Все ответы на вопросы там. И да, совсем забыл: перед тем как попрощаемся, позвольте задать один вопрос. Сколько вам платили за ваши тексты?

– Вопрос почти интимный, – уклонился я от ответа и честно признался: – Никогда не любил подобные расспросы.

– Почему все так не любят этот вопрос? Ладно, не отвечайте. Мне от вас не нужен вымысел. Только факты.

Уходя из комнаты свиданий, я вдруг почувствовал на себе влияние невидимого из-за ширмы кукловода. С помощью тростей и ниток он пытался мною управлять. Чувство неудобное, противное и даже где-то гадкое. Оно укрепилось два или три часа спустя, когда я, предъявив паспорт, был сопровождён сотрудником банка к депозитной ячейке, открыв которую двумя ключами, обнаружил школьный ранец. Специалист охраны понимающе кивнул и выскользнул за бронированную дверь, а я, отщёлкнув замки, заглянул во внутрь. Ошеломлённый, извлёк на свет несколько изжёванных двадцаток с Эндрю Джексонном.

Заплечная котомка была туго набита небрежно упиханными в неё, обтрёпанными американскими банкнотами, преимущественно десятками и двадцатками. Реже попадались полтинные купюры, ещё реже – сотенные. Неэкономно уложенные деньги, должно быть, в спешке трамбовали с тем, чтобы уместить всю сумму в пространство небольшого рюкзака. Едва ли купюры были фальшивками. Выглядели натурально и натурально пахли – кожным салом и другими человеческими прелестями. Да и какой резон, подумал я, хранить денежный фальсификат здесь, в банке, где убедиться в его подлоге проще простого. На входе в помещение депозитария я видел мультивалютные детекторы, так что... Так что, скорее всего, деньги были настоящими. Из чего следовало: некто Наркисов, осуждённый за убийство и отбывающий наказание в колонии, только что отдал мне добровольно ключ от тайника с весьма приличной суммой денег и правом распоряжаться ею по собственному усмотрению.

Первый взгляд на ситуацию: кидалово. Такая версия казалась мне самой очевидной. Правда, гипотеза хромала нелогичностью: как ни крути финансовая афера подразумевает личную наживу мошенника, а не жертвы. Пока что – с целым рюкзаком наличности – жертвой я себя не ощущал. Впрочем, поразмыслив немного, я похолодел от мысли, насколько всё просто и логично. Насколько мне известно, банк не несёт ответственности за содержимое ячейки. Это положение объясняется просто: банкиры не суют свой нос в вашу ячейку, и вы платите им только за охрану. Получается, что о содержимом банковского сейфа никто, кроме владельца, не знает, а это, что ни говори, удобное обстоятельство для вымогания. Ну, то есть приходит лох, вроде меня, открывает ячейку ключом и автоматически попадает на очень-очень-большой-развод. Ничто ведь не мешает заявить тому же Киму, что кэша в банке у него хранилось, скажем, сто тысяч. Или двести. Не суть. Суть: предъявить предъяву лоху.

На данном этапе рассуждений мои колени подогнулись и предательски задрожали. Я попятился назад от денежного вороха. Кидалово выходило филигранным и столь искусным, что я укрепился в мысли, что имею дело с профессиональным сообществом мошенников, использующих в качестве наживы тюремный общак. Наверно, Ким работал в доле с... С кем? С Юлианом? Бред! Зачем это ему? Ну: предположим, ведь можно предположить о человеке, что он двуличный интриган. Допустим, Юлиан организовал действующую схему по отъёму денег. Допустим, собрал команду. Но какого чёрта он выбрал на роль доильной коровы меня? Уж кто-кто, а он должен знать, что с меня-то взятки гладки. На эту роль больше подошёл бы Лунин. Вот уж у кого денег куры не клюют. Лунин! Как я не понял сразу. Возможно, он автор преступной группировки.

Автор преступной группировки? Я расхохотался собственной рассудочной дедукции, даже утёр слезу. Всё-таки перебор! Выходило всё как-то слишком за уши притянуто. Реальная жизнь не лишена простоты, и в этом её элегантность и изящество. С другой стороны, за такие уши грех не потянуть: воображение, подпитанное страхом, рисовало картинки не жизни, а, скорее, сюжета очередного «макулатурного» романа. Что ж, вот они издержки книжечерской профессии. Будь у меня специальный блокнот, которым я, как когда-то, вдохновение ловил, можно было бы сейчас потешить страничку-другую блестящим «прожектом». Впрочем, от коленкорых «неводов» в линейку я отказался давно – в пользу плоских представителей семейства Apple.

Не придумав ничего другого, я попытался просто успокоиться и проанализировать ситуацию с самого начала. Запустил руку в ячейку и ощупал каждый угол – вдруг что-то упустил. Нет, пусто. Вытащил выданный мне Кимом ключ из скважины и тщательно осмотрел на свет. Ключ, как ключ – ничего особенного: в кольце с пластиковым веретеном брелока, на который при подмётной передаче был накручен газетный фантик с пояснительной малявой. Когда я вышел из дежурки, всё моё внимание оказалось прикованным к нему. «Этика правильных понятий, – писал мне Ким, – требует от меня исполнения воровских наказов. Один из них, грев – продукты и вещи на поддержание заключённых. Чем бы ни завершилась наша встреча, буду вам признателен, если поможете со списком необходимого». Далее следовал список необходимых товаров. Перечень был грандиозен. Перечислялись продукты питания: чёрный чай, сало, сушки, конфеты, куру. Список продолжал набор аптечки первой помощи – зелёнка, напастырь, аспирин, активированный уголь и прочее, а довершали необходимое ёлочные игрушки и шахматные часы с карандашной пометой «лично для меня». На оставшемся клочке бумажного пространства Ким втиснул адрес банка и ещё одно пожелание. Он просил совершить денежный платёж для некой Галигузовой Нуры Атабековны на сумму пятисот долларов.

Всё это очень походило на нигерийские письма счастья и золото Лимпопо, как типичный пример махинации с массой подставных лиц и продуманной легендой. Но что-то всё же не сходилось. Принцип работы хорошего лохотрона основан на том, чтобы втереться в доверие клиенту, получить с него деньги и – profit! – смыться с кушем. Да, всё верно, но тогда это был либо плохой лохотрон, либо его устроители не учли тот факт, что сделать профит может и сам клиент. Ничего не мешает мне сейчас изобразить джентльмена удачи и свалить с рюкзаком ко всем чертям, забив на всякие там просьбы и пожелания. Да за такую кучу денег можно и побороться. Ведь можно? Как только эта мысль вспыхнула и выкристаллизовалась в моем мозгу, я твердо знал: решение уже принято.

Глава 3

*Пустая часовня, жилище ветра.
Окна зияют, дверь скрипит на ветру.
Мертвые кости чар не таят.*

Элиот

Вот если бы у каждой истории, берущей начало с гениальных и страшных недосказанностей, не было фигуры умолчания, того о чём не говорят, но что незримо присутствует за всеми помыслами и поступками, думаю, в сумме сюжета и интриги это выглядело примерно так – оскорбительно досадно.

Иногда я думаю, что перспектива знака многоточия – это лучшее, что могут дать сюжеты грядущих судеб. Ведь наши жизни – те же ненаписанные или недописанные повести. Насколько было лучше возвращать слова, выплёскивая на бумагу, тут же забывать. Тогда бы повесть моей жизни непременно напоминала чемодан, на котором сверху лежал бы взмокший автор, в тщетной попытке утрамбовать всё важные мысли и слова. Но совершенной жизни, как и совершенной книги, увы, не существует.

Упоминая об историях с недоговорённостями, прежде всего, я имею в виду историю отца. Для меня он был и остаётся самой великолепной фигурой умолчания, самым почётным знаком многоточия в нашей семье. Именно поэтому рассказывать о нём особо нечего, но не упомянуть его нельзя.

Его звали, зовут Карим. Он родом из междуречья Вятки, исконно этнического региона луговых марийцев. Мама из Чабакура, это севернее тех мест, где родился и рос отец. Но свёл их вместе Кирово-Чепецк. Мама сразу после школы уехала туда получать строительную специальность. Быть в этой теме тогда казалось жутко модным. Социализм строили, и всё такое. После учёбы мама осталась в городе, устроилась на работу, встала в очередь на квартиру. Чем занимался отец до судьбоносной встречи с мамой, я не знаю. Его мать, моя бабушка, которую я тоже совсем не знал, тянула в Кирово-Чепецке бизнес. Влиятельная дамочка была, скажу. Мама рассказывала, в девяностых местная братва ей забивала стрелки, а та будучи не робкого десятка, подвизывала дружбу с ворами в законе, набирала в штат головорезов-уголовников и устраивала лютую войну. Вроде взрывали её однажды, безуспешно, но за достоверность истории я не ручаюсь. А вот то, что она сама любого, с кем не могла договориться, «заказывала» – было страшной, но чистой правдой. А что хотите – девяностые, тогда подобное хоть и считалось беспределом, но удивляло кого-то мало. Обычная делёжка пирога с захватом или, как сейчас сказали, с освоением. К 91-му подошла мамина очередь на квартиру, ключи должны были выдать не то в октябре, не то в декабре. Но после августа стало ясно: квартиры не будет, новоселья тоже. Квадратные метры очередников благополучно отошли строительному кооперативу будущей свекрови. Бизнес у неё был строительный, мама тогда работала инженером-проектировщиком в Кирово-Чепецком КБ, которое дышало на ладан, готовясь испустить последний дух. Маховик строительного бума, раскрученный в начале девяностых, помог бюро выжить, он же познакомил маму и отцом. Тот часто в сопровождении личного водителя навещался в бюро с мелкими поручениями матери. Это уже после, в нулевых, в обиход вошло устойчивое выражение «мажор». Но сами мажоры, конечно, появились гораздо раньше.

Маменькин сынок – так за глаза называли Карима в КБ – подкупил интеллигентную, но бедную сотрудницу бюро не только роскошью ресторанов и букетами голландских роз, стоимостью в половину маминой зарплаты, но и, как ни странно, умением красиво ухаживать, где

не последнюю роль сыграла великолепная декламация стихов по памяти. Карим боготворил две вещи: античную поэзию и крепкие напитки. Случалось, совмещал одно с другим. И всё же, если первое способствовало сближению родителей, то второе вело к их неизбежному разрыву. Мама любила Серебряный век русской поэзии и не столь ценных, не столь мужественных, но не менее крупных поэтов-семидесятников. Она называла их поколением без иллюзий, потому что сама была оттуда родом. Она не была из тех, кто сопротивлялся внутренне режиму, хотя, по собственным признаниям, распространяла большое количество машинописных копий сам-издата сборника Цветаевой – официально не запрещённой в СССР, но практически ненаходимой в книжных магазинах. Она испытывала наслаждение при чтении этих романтических, пол-нозвучных стихов. Её интересовало всё, что было так или иначе связано с Мариной. Даже я в награду за эту преданность планировался появиться на свет с вымышленным именем Мур – этим именем поэтесса ласково называла единственного сына. Карим хотел назвать меня в свою честь, вернее, этого хотела бабушка. Она считала, что имя ребёнка имеет сильное влияние на его судьбу, поэтому к выбору надо подходит ответственно. Разумеется, лучшим именем для мальчика она считала имя собственного сына. Бабуля не дожидаясь моего рождения, так что обошлись компромисснополовинчатым решением. В этой схватке Карим и Мур спаялись в инертно-беспристрастный нейминг англо-ирландского истока с едва уловимым перевесом в сторону отца. Надежда Никитична, директор школы, утверждала, что Ким – имя советского происхождения, составленное из заглавных букв Коммунистического Интернационала молодежи. Ну, не знаю, чтобы я ответил на это бы сейчас? Просто пожал плечами. Тогда – конечно, сильно злился и тихо ненавидел за нелепое и гнусное предположение. Что я тогда знал о Коминтерне? Понятно, что я раздражался на собственную неосведомлённость.

Мои родители сошлись стремительно, как вихрь, проедая семимильными шагами отношения. Стихи, случай, шёпот, музыка – их сплестили, а выпивка, дружки, долги и круглолицая буфетчица – раскололи раз и навсегда. Отец был и остаётся табуированной темой. Говорить о нём в нашей семье до сих пор не принято.

Кооперативную «трёшку» с изящным круговым балконом, оставленную им, пришлось менять на квартиру-«полуторку» с перегородкой и смежным санузелом. На эту разницу в деньгах мама рассчитывала поднимать меня на ноги. Мы перебрались на юг области, в город по меркам Кирово-Чепецка, крупный. Чабакур славился оцилиндрованными брёвнами, эмалированными ведрами, трамвайным парком, троллейбусным депо и древними позвоночными ископаемыми, чьи найденные то тут, то там останки время от времени разбавляли жиденькой сенсацией местную газету «Магистраль». Одним словом, здесь можно было жить. Город лежал на крутом берегу Вятки на полпути к нашей бывшей даче, где Карим хлопотливо вил новое гнездо со стебанутой на всю голову дамой. Ближе к лету и каникулам, он умудрялся оседлать свой прыткий, но вдрызг разбитый москвичок, чтобы с двумя-тремя мелкими ремонтами в дороге добраться до Чабакура. После долго рядился с мамой, словно выторговывал залежалый товар, а когда – не с первой попытки – получалось, мы по южному шоссе, минуя магазины автозапчастей, пилили обратно с поломками двести километров на историческую родину отца.

Это был фанерный домик с удобствами наружу, вроде колонки и сортира под забором с вкопанным ведром. Двор, правда, был огромный: пятнадцать соток, засеянных полусъедобными растениями и корнеплодами. Эта буфетчица-разлучница была помешана на натуральном хозяйстве и феодальной экономике. Сахарная свекла, ячмень, картофель, редька, лук-шалот, щавель и даже лебеда были предметами её повышенного интереса. Всё шло в дело, всё, что появлялось на столе, было с огорода: ячменный хлеб, свекольник, лебедянь и жутчайший луковый салат. Оставив повсюду следы своей аграрной деятельности, она старалась не попасться на глаза, всё время пока я гостил, пропадая от зари и до заката на свекольных грядках или в ячменных посадках.

Дача стояла аккуратно возле бобровой запруды. Хатки, похожие на перевёрнутые церемониальные чаши, Карим нарочно не трогал. Жалел их, что ли, не знаю, но летом запруда дико цвела, превращаясь в узаконенный бобрами рассадник комаров. Эти мелкие кровопийцы набивались зудящим облаком в комнаты, делая совершенно невозможным пребывание внутри. Впрочем, снаружи было ненамного лучше. Костёр из еловых веток их отпугивал, но только пока источал смоляные клубы дыма, от которого одинаково плохо было и комарам, и людям. Я находил спасение в полутёмном забарахлённом пространстве чердака. Можно вообразить, что комаров отпугивал неимоверный хаос, царивший всюду, хотя, возможно, причина крылась в колонизации плесневых грибов, атаковавших стопки книг, оставшихся от прежних хозяев. В этих разноцветных бархатистых налётах и мучнистых пятнах была не только букинистика, но и саманная штукатурка, и вечно не просыхающие от дождей палубные доски перекрытий. Отец порывался книги сжечь, но, страдая от бронхиальной астмы, боялся чердака не меньше комариных гарпий.

Лет до десяти Карим навещал нас с мамой, пока, в одну прекрасную весну сильнейший паводок не оставил его вовсе без жилья. Затопило ко всем чертям и дом, и огород, и ракушку с «москвичом». Всё, что я знаю о нём сейчас: он бросил свою буфетчицу (или она его), стал пилигримом, странствует по свету. Иногда до матери долетают его дорогие открытки из разных уголков планеты. Я думаю, это он специально, чтобы она завидовала, хотя завидовать-то нечему. Мужу, на секунду, больше полтоса: ни дома, ни угла, бродяжничают где-то. Разве так нормально?

Кстати говоря, моё первое знакомство с шахматной доской случилось ровно как в набоковском романе – на чердаке отцовской дачи. Она отыскалась там же, среди лабиринтов неописуемого бардака, неплохо сохранившейся, но без ладьи и пешки. От скуки спасали книги. Хотя Карим и запрещал к ним прикасаться, я с удовольствием (исключительно из вредности) ослушивался всякий раз, и листал книги в поисках картинок. Иллюстрации стояли в остром дефиците, зато текста всегда было в избытке. Первая книга, усиленная при свете налобного фонарика, изъеденная паразитическими спорами ровно на столько, чтобы не терять тончайшей нити повествования, стала набоковская «Защита Лужина». Мне было девять: меньше, чем герою книги. Единственное, что можно было требовать от автора, и что я получил сполна – редкое чувство присутствия в книге – той самой магии, которой ждёшь от писателя больше всего. В книге писатель обращался к жизни русской эмиграции. Но что тогда я знал об этом? Ровно столько, сколько знал о Коминтерне. Я был уверен: книга о гроссмейстере. Мне нравилось это сложносочинённое, трудновыговариваемое слово. Непременно хотелось, во что бы то ни стало иметь звание шахматного мастера. Гроссмейстер – это даже звучало умно. Как профессор, или магистр.

Болезненная страсть к шахматам пришла позже. В школьной библиотеке на меня упала книга наставлений гроссмейстера Блоха. В прямом смысле: свалилась на голову. Конечно, я не увидел в этом вселенского проведения, меня нельзя обвинить в избытке сентиментальности. Взял почитать и всё. Но учебник не зашёл, сдал через день обратно. Конечно, шахматного поля и тридцати фигур недостаточно для претворения мечты в реальность, и я почти угас, как это бывает, когда тебе нравится какой-то человек, и вдруг он говорит или что-то делает такое, ну не знаю, козявки прилюдно достаёт из носа и оставляет на ножке стула. И всё: с этим ты не можешь мириться, это ниже любых самых заниженных твоих ожиданий симпатии. Вот так и с мечтой. Книжные нравоучения учебного толка мне показались такой большой козявкой, что я подумал: нет, точно не моё.

Если вёдрами и брёвнами Чабакур гордился по праву (хозпосуда, покрытая эмалью, шла на экспорт в Венгрию, а брёвна в виде каркасных срубов уезжали в подмосковные посёлки), то шахматными клубами город похвастать не мог. Даже самая захудалая секция или кружок там как-то не прижились. В глубоких синих до черноты дворах я иногда встречал поклонников

игры с впалыми грудями и картофельными лицами. От дворовых шахмат всегда пахло спиртным, энтузиазма любителей хватало разве что на второй заход в винно-водочный, не больше. Шахматы перетекали в шашки, шашки в карты, карты в домино, во что угодно, способное окоротить хозбытовое пребывание цепных мужепсов на страже раздолбанных ячеек общества. На их лицах (мордах?) я читал бессилие полностью зависимых от внешних обстоятельств существ. К этим обстоятельствам – семье, городу, стране, эпохе – они хотели предъявить определённый счёт, но к своим немолодым годам (мне они казались жутким старичьём) понимали, что выбора нет, выбор – иллюзия для дураков. Это было так заразительно, что даже я начинал чувствовать себя таким же обречённым мухомором, не требующим от жизни ничего: ни любящего отца, ни заботливой матери, ни стремления, ни чуда, ни надежды.

А между тем, чудо случилось в лице попавшего к нам из столицы Данила Артёмовича Переверзева. Новый школьный методист сразу как-то приглянулся всем, но не директрисе. Уж не знаю, за что она его невзлюбила, но злые языки завучей «шептали» на всю школу, что когда-то кому-то обещали директорское кресло в одном московском лицее. За какие заслуги неизвестно, но обещать-то обещали, только не дали. С тех самых пор у директора предвзятое отношение к москвичам. Данил Артёмович заочно поставил ей диагноз – москвофобия. Глухая провинция, сказал он, таким категорически показана, она их лечит, поддерживая на плаву. У Переверзева были, кстати говоря, те же симптомы. Вырос себе в рабочем районе Ижевска, переехал учиться в столицу, прожил двенадцать лет и съехал оттуда в нашу дичь, искренне жалея москвичей, страдающих от выхлопных газов и перенаселённости. Себя он тоже жалел, но задним числом, как бы в прошедшем времени. В нашей школе ему, похоже, нравилось, во всяком случае, до тех самых пор, пока директриса не нашла способа избавиться от допекавшего её коллеги. Для меня Переверзев стал тем самым человеком, сильно раздвинувшем границы шахмат. Шахматы он не любил, он их боготворил. Когда рассказывал о гамбитах, мительшпилях и эндшпилях, его руки легонько потряхивало от возбуждения. «Это, брат, такая гимнастика для мозгов, – приговаривал он, раскладывая фигуры на доске, – которая отнюдь не предполагает душевного здоровья».

Начиналось интересное: чувство неурочной взрослости требовало от меня сверхжертв самоутверждения. Вообще, подростковый кризис характеризует много скреп с приставкой «само»: самоутверждение, самовыражение, самосознание. Любое из этих слов легко анатомизирует образ моих тогдашних действий и их причины. Слушая раздёрганный, ритмичный голос методиста, глотающего знаки препинания, я понимал, что он единственный, кто верит в мой талант. Он считал, что меня это кое к чему обязывает. Помню его лайфхаки на все возможные замесы жизни, все до единого, особенно те, что касались перспективы переезда в Москву. Он постоянно твердил про вуз, в котором смог получить достойное образование и предрекал мою судьбу в похожем русле. Но помни, наставлял меня Данил Артёмович, будто он был сказочной феей, а я простодушной горемычной Золушкой, выбивая лакомые места с шашкой наголо по жизни, не стоит лезть в категорию покорителей с горящими глазами, идущих по головам к заветной московской «однушке».

Это, конечно, были странные советы – не по возрасту. «Попытай удачи, – продолжал он наставлять в своей манере, – только не вздумай терять больше, чем приобретёшь. Столица умеет сбивать с намеченных путей». Но у меня тогда пути не только не наметились, но даже не проклюнулись. Переверзев достоверно знал, что мы не выбираем дороги, дороги сами выбирают нас.

Весомые причины ехать учиться в Москву возникли где-то за неделю до выпускного. Примерно в это время долбанула мысль в голову, что, сбросив оковы среднего образования, я останусь на пугающем распутье. Тогда я ошибочно решил, что подростковые мечты можно (и нужно) уложить в формулу «пришёл-увидел-победил», а если это так – их надо немедленно

воплощать. Треморной рукой я полез в мобильный телефон выискивать тот самый вуз, про который когда-то слышал.

Как только посещает мысль о поступлении в Москву, нужно хорошенько подумать и взвесить все «за» и «против». Думал я? Конечно нет. Кто об этом думает в семнадцать лет. Просто что-то закружилось, переключилось внутри, как бывает при решении логической задачи. А дальше – дальше вручение аттестата, вино из-под стола, медляки и поцелуи, встреча зорьки – и в кассу, за билетом. Попросил в один конец. Самоуверенность – ещё одно слово с приставкой «само» в лексиконе трудного подростка.

Мать отговаривала. Я как мог аргументами лупил: сперва, говорил, кафедра организации шахматной работы, после международный центр шахматного образования, тренерская практика в Греции, турниры, титулы, победы. А там и до гроссмейстера недалеко. В конце концов, она смирилась. Нет, не поверила в меня, а покорились обстоятельствам. Дала немного денег, обещала приехать на вступительные, и на вокзале разревелась. Для меня это, как запрещённый приём, неумышленный, конечно, но всё же недозволенный. Это было похоже на присуждение технической ничьей. Никогда я не мог выносить женских слёз, маминых – особенно.

Приехал на Ярославский вокзал в каком-то тумане неадекватности. Сто тысяч раз передумал, но решение принято, назад дороги нет. Порывающиеся на вокзале гости столицы добавили мне угнетённости. Я ведь всё-таки провинциальный мальчик, а Москва – город суеты, скорости и нервов. А ещё это город денег: все разговоры крутятся только вокруг них. Ну, ничего, сказал себе, прорвёмся. С июня по июль занятия на подготовительных курсах. Узнал, чтобы пройти с хорошим результатом надо снимать квартиру у репетитора, пока репетитор уезжает на море и сдаёт квартиру, которую сам же и снимает. Учебная муштровка может показаться странной, но только поначалу. Москва – столица, причем не самая дешевая, все крутятся, как могут.

Знаете, какие самые зловещие слова для абитуры? «Завтра экзамен!» Вот тут-то и накрывает депрессуха. Она непременно настигает, и надо быть солнечным дебилом, чтобы не загрустить от этих слов. Завтра экзамен! Но на меня они уже не действуют. Каким-то непостижимым образом я должен за вечер решить задачу, которой нет в учебнике: как на полкопейки закупиться дюжиной бутылок элитного бухла? В моих дрожащих пальцах заветный список предпочтений приёмной комиссии: Макаллан Файн Оак, Ольмека Альтос Репосадо, Гленкинчи, Лагавулин. Мой преподаватель, вернувшись с морей в красных лабутенах, подбостранно интересуется, что я думаю о платном образовании. На всякий случай. Смотришь расписание вступительных экзаменов, а следом правила оказания платных образовательных услуг. У коммерческих проходной балл, говорит он, меньше, и конкурс не семь человек на место, а всего два.

Вот этот «на всякий случай» меня смутил, но мама утрясла вопрос. Просто и элегантно: оплатила обучение первых двух семестров. Сказала, что деньги переслал отец, когда узнал, что сын едет покорять Москву. В эту версию уже тогда я слабо верил: откуда такая сумма могла набраться у Карима? Да и не общались они с матерью последние два года. Почему-то был уверен, что помогла тётка из Кирово-Чепецка, мамина сестра. Её муж, дядя Вова, работал на вахтах в Японском море, на нефтеналивных терминалах спецморнефтепорта Козьмино. Деньги в семье водились.

А экзамены всё равно пришлось сдавать. Когда смотрел на своё имя в списке поступивших на коммерческое отделение, голова кружилась до тошноты, так, будто накачался алкоголем. Думал, теперь можно вечно смотреть на него в списках зачисленных и прыгать от радости до небес. Таким запомнился момент триумфа.

Чем ещё запомнилось то лето? Конечно, открыточными видами столицы и приездом мамы. Обилие иностранной речи, метро, светодиодная реклама: всё непривычно. Сезон веранд в самом разгаре. Атмосфера белых брюк и летних шляп. Помню, бродили вдвоём по набережной, отыскивали людную веранду с чудесным видом на Храм Христа Спасителя и Москву-реку.

Мама заказала нам по бокалу хванчкары. С непривычки захмелел, а потом взахлёб рассказывал про гениального Лужина, который живёт в чудесном мире древней божественной игры.

А потом, что было потом... кажется Набоков что-то похожее описывал в «Трёх шахматных сонетах»: и вот толкнул ногтями цвета йода фигуру. Так! Он жертвует слоном: волшебный шах и мат в четыре хода.

Дверь натужно скрипнула, и в кабинет, живо общаясь с кем-то по телефону, ввалился седовласый толстяк, похожий на медный кипящий самовар.

– ... вот бы поплавать в таком! – закончил он фразу, начатую в коридоре, и мельком взглянув на нас, быстро свернул беседу: – Кошурка, всё, перезвоню, у меня клиент.

Кошурка что-то недовольно пискнул в трубку телефона и отключился, а «самовар» вытряхнул платок и утёр нависающие над рыжими бровями бусины.

– Прошу прощения за опоздание! – извиняющим тоном прошелестел он, умаслив фразу «фирменной» улыбочкой чеширского кота. – Вопросы наследства в Москве не всегда решаются быстро.

Он опустился в кресло и, кряхтя, выхватил из портфеля, принесённого с собой, визитницу, отщелкнул крышку и припечатал пальцем к столешнице два тисненых прямоугольника.

– Вот визиточки, пожалуйста. Меня зовут Ефим Иннокентьевич. Я буду заниматься вашим вопросом.

– Евгения Аркадьевна, – представилась сидящая напротив женщина и угрюмо посмотрела на меня: – Это мой сын! Его зовут Ким.

– Да-да, благодушно рассмеялся юрист, – в папочке у меня тут всё записано. Вы же заполняли форму на сайте.

Он порылся в портфеле и водрузил на стол тяжёлый ноутбук.

– Нам нужна ваша помощь, Ефим Иннокентьевич... – начала Евгения Аркадьевна, но «самовар» её нежно перебил.

– Конечно, конечно, для этого мы здесь и собрались! Но перед тем как начнём наш разговор, хочу напомнить, что все онлайн-советы, которыми вы пользовались на нашем сайте, бесплатны, однако приватные консультации со специалистом оказываются на возмездной основе.

– Да, нас предупредили в регистратуре, – сказала моя мама как-то особенно печально.

– Где-где? – не понял Ефим Иннокентьевич, но быстро сориентировался: – А-аа, на ресепшнере. Вот и славно! Ну, тогда приступим.

Он придвинул кресло к столу и распахнул крышку ноутбука. Пощёлкал мышью, пробежал глазами по монитору.

– Отчисление из университета за неуплату – неприятный эксцесс, – сказал он, не отрывая глаз от экрана.

– Это, в самом деле, уважительная причина, которая не ставит вас в один ряд с теми лоботрясами, которым просто лень учиться. Согласно договору оказания платных услуг на обучение, заключённый между вашим сыном, Евгением Аркадьевым, и ректоратом, вы обязаны вносить фиксированную плату за каждый последующий год. Ваш сын успел благополучно отучиться весь первый курс и даже сдать сессию, однако оплату за второй год обучения вы так и не произвели.

– Ефим Иннокентьевич, да мы разве спорим?

– жалобно заголосила Евгения Аркадьевна. – Я писала вашим коллегам на сайте, что я живу на пособие по безработице. Судьба моего мягкотелого инфантильного мужа, ушедшего к другой в пьяном угаре под видом серьёзных отношений, мне неизвестна. Я – мать-разведёнка. Знаете, что это такое, когда благородные мужчины называют тебя «б/у с прицепом» и искренне считают паразитирующим на их чувствах монстром? Это совершенно невыносимо и оскорбительно слышать!

– Ма! – раздражённо прикрикнул я на неё. – Речь же не об этом!

– Ну, почему? – «самовар» снова включил фирменную улыбочку, ласково, как на идиотов, посмотрел на нас. – Я понимаю. Нет, правда, всё понимаю. Умышленно замалчиваемая в обществе тема разведённых женщин с ребёнком на руках не идёт на пользу оздоровлению отношений в семьях. В обществе уже давно идет самая настоящая война полов, о которой мало кто стремится говорить вслух. Что касается вашего мужа, то, безусловно, вы правы. Если ваш бывший супруг исполнял свою алиментную повинность не слишком усердно или честно, то взыскать с него за прошедший период, возможно, будет решением вашей проблемы. Просто нужен грамотный юрист, чтобы обстригать доказательную базу для суда быстро и красиво. Искать его не надо, я сам организую...

– Послушайте, – сказал я жёстко, – отец оставил нам квартиру, и он помог деньгами на первый год учёбы. Так ведь, мама?

– Ефим Иннокентьевич, – уклонилась от ответа мама, – в самом деле, необходимости в такого рода мерах нет. Я не претендую на алименты.

– Хорошо, – понимающе кивнул юрист. – Всё, этого вопроса не касаемся. Тогда по существу вашего дела, молодой человек. Ситуация неприятная, но решаемая. Если погасить свой долг перед университетом вы не в состоянии, можно восстановиться через год. Устроитесь на работу курьером или грузчиком, за год денег поднакопите, а собрать документы заново будет не проблема, я помогу.

– Дело в том, что ректорат подал списки отчисленных в военкомат и моему сыну уже успели вручить вот это!

Мама достала сложенную вдвое повестку.

– Экая досада! – недовольно крикнул Ефим Иннокентьевич, изучая бумагу. – Как вас нашли?

– Комендант принёс в общагу и заставил расписаться, – буркнул я. – Сказал, иначе выставит с манатками на улицу, а мне ночевать негде, я в Москве один.

– Зря это ты, пацан, – сочувственно произнёс «самовар». – Год можно было бы побегать, а потом... ну, да ладно, сделанного не воротишь. Тогда, мамаша, расклад такой: сознательное уклонение от службы вашим сыном карается законом. За это предусмотрена ответственность, так что лучше год отслужить, чем потом перечеркнуть себе всю биографию и будущую карьеру.

– Сейчас такая неблагоприятная политическая обстановка! – зашмыгала носом мама. Я с удивлением повернул голову в её сторону: она едва сдерживала слёзы. – Что творится в мире – посмотрите телевизор! Страшные вещи происходят!

– Евгения Аркадьевна, я бы на вашем месте меньше смотрел телевизор! – Ефим Иннокентьевич придвинул коробочку с бумажными платочками, а сам снова углубился в ноутбук. – Впрочем, что вы предлагаете?

– Нельзя ли, – она понизила голос до тихого шёпота, – как-нибудь отмазать мальчика от армии?

– Ну, во-первых, – сказал недовольно, через губу Ефим Иннокентьевич, – вы безнадежно застряли в девяностых, Евгения Аркадьевна: косить уже не надо, есть вполне законные способы не проходить службу. А во-вторых, как вы выразились, «отмазать» за бесплатно не получится, вы же понимаете? Откуда денежку возьмёте?

– Да, это правда: нет, – снова расстроилась мама, будто не могла свыкнуться с подобной мыслью. – Но ведь должен быть какой-то выход!

– А вы, простите, какой помощи ожидаете от меня? – неожиданно прозрел «самовар» и заёрзал в кресле.

– Ну, какой-какой? – заломила она руки и всё-таки не выдержала, расплакалась. – Такой, которая не покалечила бы сына и помогла ему вернуться на эту свою кафедру шахмат.

– О-о-о! – «самовар» почтительно глянул на меня и подмигнул. – Будешь бороться за шахматную корону?

– Сначала хочу стать гроссмейстером очень серьёзного уровня.

– Достойно уважения.

– Глупости это всё, – сквозь слёзы завела старую пластинку мама. – Пустое! Куда с такой профессией пробиться в наше время?

– В Кубок мира! – сказал юрист и снова подмигнул мне. – Вы зря не верите в будущее сына, Евгения Аркадьевна. – Думаю, всё реально на этом свете. Ким, чего молчишь? Что скажешь в свою защиту?

– Я скажу только, что шахматы – самая умная и гениальная игра!

Я запнулся, не зная, что ещё добавить к сказанному.

– Метко сказано! – охотно закивал мне «самовар». – В онлайн есть сервер Плейчес, в нём можно получать дукаты. Я пробовал эту игрушку, но продул, что как бы подтверждает твои слова. Она слишком умная, слишком гениальная, Ким. Для меня, во всяком случае! – Он рассмеялся, но тут же посерьёзнел, его голос сделался сверкающим и змейчатым, как извилистая Вятка. – Дарить надежду вообще нельзя, потому что надежда есть величина эвентуальная, то есть возможная при особых обстоятельствах. Но я рискну. Я хочу подарить надежду твоей маме и тебе, Ким.

Невероятно, но всего после четырёх ходов каждого из игроков, фигуры на шахматной доске могут занять 288 миллиардов различных комбинаций. Мы выросли в метрической Вселенной, где всё ясно и логично, но как вообразить количество возможностей, как объять разумом фантастическое множество этих комбинаций, из которых к победе игрока ведут только следы миллиардных долей.

Без шуток, понимал ли это «самовар», пробавающийся от случая к случаю партейками в Playchess? Говоря языком шахмат, моя позиция была наихудшей, но сто раз прав тот, кто утверждал: нет такой позиции, которую нельзя сделать ещё хуже. Не знаю почему, но почему-то не нашлось такого человека, который мог бы мне задать тогда прямой вопрос: «Ким, что ты сам-то думаешь о службе в армии?». Конечно, вся эта фигня про школу жизни и армейскую закалку на меня вряд ли подействовала, зато прекрасно работала история соседа, контуженного во второй чеченской. Он поднимался на третий лифтом, а до пятого крался пешком, прижимаясь к стене: всё ждал засады. Что я после такого мог думать о службе в армии? Человек делает место, а потом место делает человека. Но ведь не у всех же так, и шансов заполучить проблем от чабакурского гопника было, наверняка, не меньше, чем в вооружённых силах. Однако мать впадала в крайность, а юрист имел нормальное желание заработать, и в его обязанности не входило проводить со мной ликбез на тему «Надо отдавать долг Родине или ещё немного взять взаймы?»

Не знаю, как в шахматах, но в своей работе «самовар» был просто бог. Конечно, он не отговаривал, наоборот, предлагал прекрасный вариант с рассрочкой, прямо как в магазине мебели.

– На начальном этапе, конечно, надо будет дяде-военному дать мзду, – поучал Ефим Иннокентьевич, выдергивая из коробочки платочек и рисуя на нём карандашом пятизначную сумму. – Но это, в общем, вполне посильная подмазка. Остальные барашки в бумажке растяните на весь срок службы и будете перечислять на карту равными долями в виде половины месячной зарплаты сына. Вам это понятно, Евгения Аркадьевна?

– Совершенно непонятно! – Она отрицательно качала головой. – Он будет всё-таки служить?

– Да, два года, – отвечал «самовар». – Слышали, наверно, про альтернативную службу? Это ваш единственный вариант «эконом», мои хорошие. По-другому никак.

– А вот чтобы «эконом», но не служить? – наивно вопрошала мама.

– А вот, чтобы «эконом» и не служить, – передразнивал «самовар», – это в русском фольклоре называется «и рыбку съесть, и на ёлку залезть». Дорогая моя, хорошая Евгения Аркадьевна, ну что вы, как маленькая, в самом деле?

– То есть вообще никак? – Мама не сдавалась.

– Есть дешёвый вариант, – задумчиво пожевав губу, говорил юрист. – Цена вопроса всего двести баксов, но он вам не понравится! В общем, находите специалиста по мануальной терапии, платите ему, и он вашему сыну позвонки смещает. Сына на комиссию и в запас, а вы обратно к мануальщику, он позвонки обратно вправляет. Тут всё, конечно, зависит от специалиста...

– Он же может остаться инвалидом на всю жизнь!

– Ну, я так и говорю, что это вариант не наш, – закипал «самовар» своим булькающим смехом. – Да вы не переживайте! Армия очень формализованная и контролируемая структура. Альтернативщику бояться точно нечего. Служба проходит чаще всего по месту жительства призванного и с учетом его профессиональной подготовки. Правда, для этого неплохо бы закончить вуз, ну да ладно: с профессией я что-нибудь придумаю, есть свои каналы.

Ефим Иннокентьевич разворачивал ноутбук экраном ко мне и радостно бросал с барского плеча:

– Ну-ка, выбирай из списка, что больше нравится.

– Что это? – спрашивал я.

– Утверждённый министерством труда перечень профессий альтернативной службы. Говорю же, всё реально на этом свете!

Глаза бегали по строчкам.

– Артист театра кукол мне бы подошло.

– Ух ты! – неподдельно восхищался «самовар». – Кукольник, конечно, не кочегар и не плотник, кукольников ещё поискать надо. Но раз обещал, значит сделаю.

Короче, этот юрист нас ловко заболтал, говорю же, в своей профессии он просто бог, и я решил, вернее, мы решили. Всё, что до этого мне приходилось слышать об альтернативной службе в армии, была елейная инфа о том, что туда восторженной толпой валят педики. Естественно под эту волну некоторые натуралы пытались слиться, притворившись геями. Я же смутно представлял, как буду доказывать комиссии свою ориентацию.

К счастью, мои взгляды на эту ситуацию оказались слишком поверхностными. В заявлении, составленном от моего имени, Ефим Иннокентьевич ссылался на позицию военного эксперта Гольца. Хотя имя этого человека я слышал впервые в жизни, это не помешало мне разделить мнение эксперта в том месте, где он утверждал примерно следующее: армии, сформированные по принципу призыва, обернулись для современного мира пережитком прошлого, что превратило сам призыв в нездоровое и бесполезное явление для армии и для страны.

Выводы напрашивались сами собой и делались на месте, то есть в том же абзаце: гражданин не может участвовать в том, что считает бесполезным для своей страны.

На призывной комиссии мои убеждения приняли, и предписание вручили сразу, правда, не по месту проживания и не в кукольный театр.

«Самовар» честно напомнил мне, что ближайший от Чабакура театр кукол есть только в Кирове. Это было правдой: кукольники, как и шахматисты, у нас были не в почёте.

– Я сделал запрос в Киров, – говорил он мне, отыскав укромное местечко в барбаканах районного военкомата, – им нужен артист-кукловод со специальным образованием. Короче, ты не подходишь.

– А другие театры?

– Обижает, чемпион! – елейным голоском нашёптывал юрист. – Думаешь, в каждом прямо ждут тебя с распахнутым объятием? Был один вакант, к слову, в труппу магнитогорского тюза «Буратино». Декоратор-осветитель и костюмер-гримёр на полставки.

– Я бы смог!

– Не сомневаюсь! Но декоратора-осветителя-костюмера-гримёра мы успешно про... зевали. Опредил нас доктор кукольных наук по имени Карабас. Но ты не унывай! Всё что не делается, то к лучшему. Я тут вспомнил давеча, что в учреждениях Минобороны альтернативщикам служить на полгода меньше. А что, определим тебя в военный музей, посидишь на вахте полтора годика и как раз успеешь подать документы на восстановление через год на следующий. А так теряешь ещё год! Вообще, смотри сам, решать тебе.

И я смотрел: аргументы казались мне железобетонными. Правда, соглашаясь, я не учитывал одного: в Чабакуре не было организаций министерства обороны. Ну, то есть вёдра когда-то эмалировали на военном заводе, совмещая с конечной стадией лакирования гильз под винтовку Мосина. Но после победы завод поставили на консервацию, а в девяностых приватизировали, а затем благополучно разворовали.

Размышляя о шахматном этикете, одно из правил которого гласило «тронул фигуру – ходи», я понял, что всё больше теряю инициативу, но, коснувшись фигурки, всё же ею походил: взял оплаченный военкоматом билет до Красносудженска.

И вот сквозняк уже холодит мою макушку, надувая ветром голову, а я безразлично провожаю взглядом сбегающий назад пейзаж, прокручивая в голове сицилианскую защиту, но мысли, мои мысли роятся совершенно о другом, выдавливая наружу двойственное чувство – мучительное и в то же время радостное. Впереди у меня двое суток с четвертью пути, а что после – я пока не знаю, и это незнание успокаивает, обнадеживает. Неведение всегда оберегает нас. Но правда в том, что всё возможно, пока не сделан выбор. Определяющее незнание состоит же в том, что мы не знаем, кем будет сделан этот выбор.

Глава 4

*С тонким псом и смуглым кубком
жарко-рдяного вина,
ночью лунной, в замке деда
я загрезил у окна.*

Вова Набоков

Я проснулся от мерных ударов, словно невидимый метроном отстукивал очень точно заданный ритм. Или может, сквозняк гулял по комнате, и я замёрз под тонким одеялом. Не раскрывая глаз, стараясь не спугнуть блаженную дремоту, отлепил от уха наушник смолкнувшего плеера, свернулся в позу эмбриона, продавливая головой в подушке из сваленного синтепона уютное гнездо, и попытался вернуть прерванное сновидение. Именно тогда я услышал стук. Прислушался. За стылыми стенами, тянущими драгоценное тепло из батарей, вторую ночь не унимался ветер. Я облегчённо вздохнул, вспомнив про ветхую крышу и неплотно прикрытую фрамугу окна: это долетал цокот кровельного железа. Едва я ублажился этой мыслью, как цокотанье неожиданно сопровождал короткий булькающий звук и хриплый стон. Я резко выпрямился, выныривая из плена одеяла, и осел на кровать. Косые лунные дорожки, пробиваясь сквозь зашторенное окно, дотягивались до соседней двухъярусной кровати, стоящей у стены напротив. Цок-цок-цок... Кровать цепляла металлическими углами рыхлый известняк стены, раскачивалась из стороны в сторону. Моя растопыренная пятерня тревожно зашелестела над письменным столом и книжной полкой, нащупала выключатель и припечатала его к стене коротким пистолетным хлопком. Комнату залил яркий электрический свет. Мелькнули оголённые ягодицы, белые как мел. Вспорхнуло одеяло, накрывая парочку.

– Бляха-муха! – глухо ругнулось одеяло, и из него обратно на середину комнаты вынырнуло тело, стыдливо прикрывая причинные места подушками. Тело глянуло на меня и свирепо вякнуло: – Слышь, ты кто такой и как сюда попал?

Щёки запылали от прилившей крови. Я в недоумении таращил глаза.

– Ты сам, что здесь забыл?

– Ушлёпок ты бракованный! Я здесь живу!

– Чего? Не понял! – Я спешно натянул трико, майку и спрыгнул со второго яруса на пол. – Я вообще-то тоже, так что давай, повежливее.

Ночной визитёр, похожий на молодого Ульянова-Ленина – с широкими залысинами и открытым лбом, хитро и гадко осклабился, намереваясь выдать тираду, но его прервал детский смех – тонкий, переливчатый, чуть-чуть визгливый.

– Прямо какая-то мелодрама в стиле «Иронии судьбы», – закутанная в одеяло, как в паранджу, обладательница ребячливого смеха, вынырнула из-за мужской фигуры и принялась изучать меня долгим, пытливым взглядом. – Мальчики признавайтесь, у кого из вас двоих страшное похмелье после дружеских посиделок в бане?

– Тата, всё: кина не будет, – коротко и небрежно бросил юный вождь пролетариата и, обращаясь ко мне, потребовал: – Говори, Сазана знаешь?

– А что, должен?

– Э, баклан, тебя попутало реально! Не дерзи, отвечай мне: да-нет!

– Синоптик, запарил бычку включать! – Детский голос моментально огрубел, будто выковался в латы. – Не можешь по-человечески?

– Сейчас махач устроим! – пообещал Синоптик. – Вот это будет по-человечески, по-пацански.

Одеяло окуклилось и отделилось от кровати. Рассыпанную арочкой вокруг бровей филированную чёлку с острым зубчиком в центре лба обрамляли редкие пряди в завитках. Я даже смог почувствовать нежный, вкусный запах цветочного парфюма, который источали волосы. Он был дико и причудливо замешан на мягком аромате разгоряченной женской плоти. Я мучительно ощутил это тепло: оно пробрало от макушки до самых пяток.

– Скажи, ты давно здесь живёшь? – Глубокие чёрные глаза-маслины изучали меня.

– Как заселили, так живу, – медленно, по слогам сказал я, стараясь вложить в слова максимум небрежности, но голос не слушался и дрожал как осиновый листок в ненастную погоду. – Полмесяца или около того.

– Синоптик, а ты, когда ночевал здесь в последний раз?

– В душе не помню. Я же с тобой тусил на Красном Маньяке.

– Значит, недели три, – сделала выводы Тата и рассмеялась. – Слава, зарывай топор войны и знакомься – это твой сосед!

Слава успел сменить подушки на исподнее и теперь грозно нарезал круги по комнате, щеголяя облегающими боксёрами в красный горох.

– Неа, – скривился он. – Сильно сомневаюсь! Сазан сказал бы!

– Сазан твой, старый маразматик, пропил последние остатки мозга, – усмехнулась Тата и повернулась ко мне: – Сосед, давай знакомиться! Я Рената, но для всех друзей – Тата. А это Славик Синоптик. Короче, просто Синоптик. Он типа здесь живёт, а я типа с ним. Разобрались?

– Чо ты, салабон, зенками лупаешь? – накинулся на меня свежеиспечённый сосед. – Никакой я тебе не Синоптик, а товарищ лейтенант. Заруби это на носу.

– Понятно. Я Ким. Для друзей и для врагов, для всех. И это... товарищ лейтенант, вы гильфик застегните, а то демографию застудите!

– Ох! – только и успел сказать Синоптик, сверкнув в меня глазами. Тата начала фырчать от смеха, слишком усердно, как показалось, едва не выронила из рук одеяло и сама чуть не оконфузилась. Я не ручаюсь, но это выглядело скорее умелой импровизацией, чем случайностью.

– Ладно, идём на кухню помацубарим, – хмуро сказал Синоптик, облачаясь в джинсы, майку и красный, грубой вязки свитер с изображением эпического оленя, – пусть девушка приведёт себя в порядок.

Последним элементом гардероба стали кеды. Подцепив их, Синоптик пинком распахнул дверь и поманил меня. Тата пожала плечами и пискнула мне зачем-то по-английски: «Айм сорри!» и было не ясно, извиняется она за внезапное вторжение или за то, что приходится теперь выпроваживать меня из собственной же комнаты. Я кивнул, и мы молча вышли в тускло освещённый коридор общаги, насквозь пропахший задубелой кожей, кошачьей мочой и мохнатой пылью, болтающейся на сквозняках пыльным перекасти-полем. Электронное табло часов рядом с пиктограммой бегущего человечка и надписью «выход» безразлично сообщало время 04:25. Синоптик нырнул в арку под часы, я послушно плёлся следом. Шамотные стены старого общежития впитали недельный дождь, очертив на бледно-серой штукатурке тёмные от влаги спиломы, похожие на чернильные пятна Роршаха. От обильных дождей значительней всего пострадала кухня на пятом этаже – процессы эрозии там ускорила крыша, клепанная ведёрной жестью. В день официального исхода лета по григорианскому календарю она не выдержала и обрушилась, пробив прогнившей балкой потолок и похоронив под обломками крепкий кухонный стол с двумя астраханскими арбузами. По счастью, хозяин бахчи Володько Некрылов, бегал в это время по соседям в поисках ножа и компании. Эту дикую историю рассказывал мне сам Некрылов, убеждавший, что подобные случайности въедаются в костный мозг и остаются

там на всю оставшуюся жизнь, которой, к слову, могло бы и не быть. Помещение признали аварийным, оставив капитальные работы по ремонту крыши до весны, а жильцам-попаданцам с пятого на время разрешили пользоваться кухней соседей снизу.

Четвёртый этаж встретил нас привычным дыханием сквозняка. Над головой уныло потрескивала единственная лампа, где-то в глубине длинного как сосиска коридора горели отражённым светом два немигающих глаза беременной кошки Маруси. На кухне выкипал оставленный на плите чайник. Пар горячим туманом клубился в воздухе, размачивая кислую вонь сковород и кастрюль, безобразной и шаткой грудой сброшенных в рукомойник.

За недолгое время альтернативной службы я успел понахвататься кое-каких армейских жаргонизмов. Многие солдафонские словоизвержения не требовали специальной подготовки и интуитивно сводились к словарному запасу гражданского. Например, я догадывался, что косепоп – это солдат, допускающий оплошность, а якорь – тоже солдат, только медленный или заторможенный. Значение таких слов, как «стукач», «подшива» или «шухер» вовсе не требовали пояснений, а вот некоторые, наоборот, вгоняли в ступор. О происхождении слова «мацубарить» можно было только гадать. Сакральная семантика слова требовала от носителя простого принятия на веру факта, что на армейской фене «мацубарить» означало желание курить. Зачастую «помацубарить» было не более, чем предлогом для завязки бахора, то есть разговора. Во всяком случае, одно другого не исключало.

Синоптик похлопал по карманам, нащупав в заднем то, что искал. Достал сигаретную пачку, щелчком раскрыл и протянул мне, предлагая угоститься.

– Не курю, – сказал я и, подойдя к замызганному подоконнику, сплюнул в вечно открытую нараспашку форточку. По ту сторону окна проклёвывался росток рассвета, подсвечивая нежно-розовым тёмные прожилки слоистых туч.

Он безразлично пожал плечами, подцепил зубами сигарету и подкурил от пламени горелки. Затем крутанул ручку, перекрывая газ, затянулся и впился в меня колючим взглядом.

– Так ты знаешь Сазана или нет? – спросил он, умащивая свой зад рядом на подоконнике.

– Коменданта общежития? Семёна Созоновича?

– Семёна, ага, Созоновича!

– Сразу так сказал бы. Конечно! Он мне ключ от комнаты давал и показывал, как пользоваться забитым унитазом в туалете, чтобы не заливать говном соседей снизу.

– Это да! – отозвался Синоптик. – Он тот говномут, и ему за его говномутство ещё приплачивают! Говорил, упрасивал, бутылку совал: Сазан, никаких соседей, а он всё равно, сука, сделал по-своему.

Синоптик стряхнул пепел, и будто очнулся.

– Как там тебя?

– Ким, – напомнил я.

– Ким, извини, что я так люто накинулся! Ситуация, сам понимаешь: все на эмоциях!

– Понимаю! Когда эмоции через край, напряжение надо убирать.

– Стопудняк! Надо было развляться, – Синоптик показал неприличный жест и весело, со значением подмигнул. – Маленькая, но рукастая!

– Без подробностей, ладно. Хватило впечатлений от увиденного.

– Ты мне вот что объясни: как можно было так щемить, чтобы не услышать происходящего в соседней люле? – Синоптик пошло хихикнул, заметив моё смущение, и заговорщицки толкнул меня локтем вбок. – Ты случайно того, не вуайерист?

– Ничего себе предьява!

– Га-аа! Сосед, не пылесось тайгу, я же шуткую! Тыркаться сейчас бесполезно – уж как-нибудь да разместимся. Шконок много – целых четыре, всем найдётся места. После вопрос с Сазаном порешаем.

– Мне на работу через три часа, – тоскливо сказал я. – Надо выспаться.

– На какую такую работу?

– На такую обычную работу, – огрызнулся я. – По распределению альтернативной службы.

– Отмазанный, что ли?

Синоптик прицельно стрельнул бычком в форточку и лениво засеменил к холодильнику.

– Альтернативно-служащий, – сухо поправил я.

– Ты неопознанный мудераст, – философски изрёк Синоптик и окинул взглядом пустое пространство холодильника. – Не духан и даже не запах, так: туловище безголовое.

– Дальше что? – с вызовом спросил я и повторил для усиления эффекта: – Что дальше-то?

– Ну, значит, не есть тебе дембельской каши!

– Прямо расстроил!

На дверце в отделении для яиц одиноко загромычала банка с кабачковой икрой.

– А я бы сейчас даже требуху сожрал! Ну, или икорку навернул. Га-аа!

Синоптик снова заржал мелким дурным смехом, бесцеремонно свернул крышку с горловины банки и погрузил пальцы в овощное рагу.

Я неодобрительно хмыкнул, глянув исподлобья, как мародерствует Синоптик.

– Лучшая отечественная закуска! – гордо сказал он и отправил в рот размазанную по фалангам пальцев икру. Довольно зачавкал, зачерпнул ещё. – У меня в такие моменты суровая посадка на еду. Веришь, Ким, вот как распоследнего планокора пробивает на хавку люто, ничего не могу с собой поделать.

– Ты полегче, здесь за это ноги ломают! – предупредил я.

– Да ты не шухерись! Я всего граммულку съем.

Наконец, пустая банка была отправлена обратно в холодильник. Синоптик обмахнул руку о штанину и протянул мне:

– Теперь давай нормально знакомиться!

– Это как?

– По дембельскому уставу.

– Мне же вроде как не положено...

– Это балабасить печенье со сгухой не положено. Дембельский комок с акселем тоже не положен, а всё остальное никто не отменял. Устав для воина, что Коран для мусульманина.

– Я не воин, я альтернативнослужащий!

Но заведённую мной пластинку лейтенант грубо прервал:

– Не грусти, бобёр, сделаем из тебя мужчину! Давай: разрешите доложить, сколько вам еще служить... – Синоптик не дождался поданной руки, схватил меня за ладонь, притянул к себе и резким движением стиснул шею в полукольце согнутого локтя, с силой надавил. Я судорожно втянул носом воздух, почувствовал, как вздулась на шее жилка, отбивая удары сердца. От напряжения заломило в висках и некстати зачесался глаз.

– Эй, салага и бритый гусь! Докладывай шестьдесят два дня.

От навалившегося на меня Синоптика мерзко пахло смрадным духом загула. Удушающий захват заставил, хрипя, извергать из памяти дембельскую сказку, оставленную моим предшественником на последнем листе вахтенного журнала.

– Я салага, бритый гусь, я торжественно клянусь: масло, сало, колбасу, все я дедушке снесу. Разрешите доложить – сколько вам еще служить, – я выдохнул, перехватил душающую меня руку, подсел и резко перекинул через колено Синоптика. Тот хватку ослабил, но не отпустил, и мы вдвоём неуклюже повалились на грязный кафельный пол. Я схватил его за ворот растянутого свитера и проорал в самое ухо: – До вашего светлого дня осталась х...ня – шестьдесят два дня.

Голосовые связки онемели, я задохнулся от собственного крика. Закашлялся, замахал руками, наконец, вдохнул в полную силу.

Синоптик отвесил мне шлепок ладошкой по лбу и истошно завопил:

– И умчит меня в запас автобус марки «ПАЗ»! Ейе-ее!

– Товарищ лейтенант, это не устав, а уставщина.

– Верно мыслишь. Ещё два месяца будешь у меня втухать! – пообещал Синоптик. – А потом мы побратаемся, и я красиво уйду в закат. Гульну со страшной силой. Насвистаюсь в такой дребадан, что буду блевать до самого до Воронежа. Тебя на отвальную позову. Придёшь?

Я не успел ответить. По коридору раздались шаркающие шаги. В дверном проёме кухни показалась сутулая фигура женщины в подбитой молью горжетке. меховой аксессуар ни разу не подходил под вьетнамки на босу ногу и сильно спитое, одутловатое лицо. При виде нас она тяжело задышала, скрупулёзно оценивая обстановку. Сквозь склеенные дешёвой тушью ресницы разглядела лицо Синоптика. Кожа на сухих скулах натянулась. Губы, обильно выкрашенные помадой, свернулись в удивлённое «о».

– Слава, здравствуй!

Она снова сощурилась, фокусируя мутный взгляд на мне, но в её усталых глазах я так и остался неузнанным. Осторожно, повторяя изгибы убогих интерьеров кухни, она двинулась вдоль стены к газовой плите.

– Слышь, Поликарповна, вали отсюда нахер! – зло сказал Синоптик, отряхиваясь и поднимаясь на ноги.

Женщина растерянно мигнула, тряхнула – не то от обиды, не то от злости – сальным подбородком и, схватив чайник, заковыляла прочь из кухни.

– В тебе, лейтенант, много злости сидит, – сказал я, растирая лиловую шею, – а лычки и звёзды не дают никакого права эту злость распылять на окружающих.

– А ты знаешь, что эта общага построена на тифозных костях? – неожиданно спросил меня Синоптик. – На этом самом месте в войну была больница для тифозников. И морг. Прикинь?

– Откуда знаешь?

– От этой полоумной бабы, – Синоптик покивал на коридор. – Мама ейная в той больнице лежала, когда авианалёт случился. Ну, там, понятно, ковровая бомбардировка, прямое попадание в дом. С тех пор травма у человека душевная – мля, на всю голову. Горжетку из драной лисы никогда не снимает, типа в память, и живёт в этом свинушнике тоже типа в память, а у неё, между прочим, пустует свой дом где-то в Белужках. Присела мне на уши с этой историей. Нафига ты мне это рассказываешь, спрашиваю. Мне то что? А она отвечает: земля под нами кишит инфекцией. Ковырни ногой и полезет палочка. Вот пойду на задний двор, накопаю хризантемки и подарю тебе. Привет от мамы такой. Нормально, да? – Синоптик покрутил пальцем у виска. – Так что зло – понятие очень объёмное. Ты с этим поаккуратнее, сосед.

– С чем поаккуратнее? – поинтересовалась Тата, незаметно появившись на кухне. Одетая в экстремально длинное, до щиколоток платье-футляр с широким воланом на поясе, она выглядела как модница, сбежавшая с подиума и случайно набредшая на поляну с лубяной избушкой бременских разбойников.

Я даже невольно запел, навеянный мотивом: «Ой-ля-ля, ой-ля-ля, ех-ха!», но вовремя спохватился, поймав на себе удивлённый взгляд Синоптика, замолк.

– Это я объяснял Киму, чтобы он вёл себя поаккуратнее с тобой! – ухмыльнулся Синоптик и подскочил к Тате. Наклонился к ней, приглаживая по-мальчишески короткие, чёрные как смоль волосы, и громко чмокнул в губы. – Мою девушку никому трогать не дозволено!

– Я и не трогал! – обиделся я на невинное враньё Синоптика.

– Ну, это я так, на перспективу! – уточнил Синоптик. – На тот случай, если захочется.

– Если захочется, он меня спросит! – сказала Тата и выразительно посмотрела в мою сторону. В ухе блеснула серьга-каффа в виде серебряной змейки. – Видно же, что Ким не какое-нибудь быдло, а вполне адекватный, воспитанный молодой человек!

– Я понял – это намёк, я всё ловлю на лету, – пропел Синоптик, – и вот за это я тебя конкретно...

– Зимин, твою мать, ты охренел! – Тата моментально сменила тон и потыкала в грудь Синоптика миниатюрным пальчиком. – Что это такое?

– Где? – насторожился Синоптик, отступив назад.

– Перед твоей наглой рожей.

– Это? Свитер.

– Вот именно! Свитер, который я подарила тебе. И во что ты его превратил? – Тата попыталась придать обвисшему шерстяному изделию его привычные размеры. – Ну ты и гад!

– Ничего, после стирки сядет, – пообещал Синоптик.

– Да, – сказал я, чувствуя свою причастность к проблеме, и пытаюсь как-то сгладить ситуацию, – у меня была кофта из пуха козы. Кофта как кофта, в мой размер, а постирал – рукав стал до локтя. Вообще, вещи крупной вязки даже полезно растягивать.

– Ты не защищай его! – сказала Тата. – У меня к нему претензий много. Вот, к примеру, почему не сказал, что будете на четвёртом? Я весь пятый оббегала: Синоптик, Синоптик, а Синоптика – нет.

– А он здесь! – глухо хихикнул Синоптик, верно, решив, что дело со свитером благополучно замято. – Ты же меня всё-таки нашла?

– Там на кухне красная лента и объявление: «Все в сад!» и в скобках пояснение – «сад этажом ниже».

– Это я написал, – схвастнул я.

– Приколюха! – оценил Синоптик. – Сам придумал или кто подсказал?

– Вообще-то это цитата, – деловито уточнила Тата.

– Точно, цитата, – согласился я. – Наша директриса – она вела литературу – часто ввинчивала своё «Все в сад!» к месту и не к месту. Это из Чехова.

– Неа, – покачала она головой, – так говорил Харрис в фильме «Трое в лодке, не считая собаки».

Я смутился, но от слов не отрёкся.

– И всё-таки из Чехова. «Вишнёвый сад».

– Ты с ней не спорь, – посоветовал Синоптик. – У Таты было не самое счастливое детство: без бабушкиных пирожков и любимого щеночка, зато был папкин видак и море киношек на кассетах. Теперь она ходячий викицитатник: мечет крылатые выражения, как севрюга икру.

– Не слушай его, всё было не так, – засмеялась Тата. – У меня был щеночек, а вот кино-театра и попкорна, как раз, не хватало. И видака не было. Зато однажды я увидела целую тонну кассет, выброшенных на помойку. Там были мультики, комедии, боевики, детективы, много чего интересного. И у меня возникла идея фикс: это добро отдавать в детские дома.

– Ага, кино и попкорн для сироток! Тата у нас мать Тереза: святая и предприимчивая!

– Ну да, – ничуть не смутилась Тата, – мне казалось это отличной мыслью. Я отвоевала у предков кладовку, забила доверху кассетами, а эти самые кассеты почему-то ни один приют брать не захотел. Вернее, у нас в Красносудженске приют всего один, на Белужке. Ну я пришла туда, а там у меня и спрашивают: «Девочка, а откуда ты знаешь, что на этих кассетах нет призывов к насилию и всякой запрещённой пропаганды?» Я честно говорю, что кассеты со свалки, я их даже не смотрела. Меня по-быстренькому развернули и отправили на все четыре стороны. Вот тогда-то папик подарил мне кассетный видеик и сказал: доча, я придумал, что делать с этой горой никому не нужных фильмов.

– У тебя мировой батя! – сказал я. – И вы что, реально пересмотрели все фильмы?

– Ну, отец слился в первый вечер. Он, наверно, рассчитывал тайком посматривать порнушку, но там ничего такого не было.

– Да? Мой любимый фильм «Пока не сыграл в ящик».

- Порно? – уточнил Синоптик.
- Почему? Нет, комедия.
- Га-аа! Одно другому не помеха, особенно если это фестиваль любительской эротики или гей-порно.
- Синопа, ты псих озабоченный.
- Что ты, детка? Как можно такое говорить, после наших ночей в стиле буги? Я романтик, каких свет не видывал.
- Одно другому не помеха, – огрызнулась Тата и, громко чмокнув средний палец, отправила Синоптику.
- Обожаю тебя!
- Ким, я не смотрела этот фильм, – сказала Тата, улыбнувшись самой невинной, самой обезоруживающей на свете улыбкой.
- Её конёк – олдовые фильмы, преимущественно «мейд ин совок», – сказал Синоптик. – Погоняй её по советскому кинематографу, будешь обескуражен и сбит с толку количеством ненужных цитаток, накопившихся в её прекрасной, кукольной головке.
- Попробуй! – предложила она и потёрла в предвкушении ладони.
- Давай! – я задумался. – Например... например... ага, вспомнил: например, фильм «Афоня». Там ещё Леонов снимался.
- Знаю, знаю! – радостно воскликнула Тата и хлопнула в ладоши. – Мать честная, председатель месткома нашего пришел! Теперь весь вечер придется с ним танцевать...
- Ух ты! Ещё!
- Афанасий, – Тата попыталась симитировать глуховатый и хриплый голос советского актёра Леонова, – да ты не волнуйся, я ведь к тебе ненадолго поселился. Михалыч из отпуска вернется, я к нему перееду...
- Попала! Прямо наша ситуация. Давай «Мимино».
- Так, – Тата наморщила лоб и тут же включилась в игру, сделала смешной грузинский акцент: – Валик-джан, я тебе один умный вещь скажу, но только ты не обижайся...
- Это легко! Это все знают!
- Что поделаешь, – пожала плечами Тата, – если фильм разобран на цитаты. Надо было давать посложнее.
- Голуби, я не мешаю ворковать? – Синоптик округлил глаза и выразительно посмотрел на Тату.
- Знаете что, Мими, – Тата сделала жест рукой, оттопырив большой палец и мизинец, будто говорила в телефон: – Катитесь-ка вы колбаской по Малой Спасской!
- Хватит!
- Ничего личного, Зимин! – улыбнулась Тата. – Это классика советского кино. Сам же предложил!
- Дура!
- Дебил! – Тата окаменела лицом в секунду, затем резко развернулась, скрипнув каблучками по кафелю, и зашагала к выходу.
- Если думаешь, что я побегу за тобой, красавица, – крикнул ей вслед Синоптик, – то ты сильно ошибаешься!
- Но Тата не удостоила Синоптика ответом. Её каблучки зацокали по лестничной площадке и вскоре затихли.
- Как-то нехорошо получилось... – сказал я, снова чувствуя себя отчего-то виноватым.
- Строит из себя обиженную, – махнул рукой Синоптик. – Домой поёрлась. Ну и пусть! Ей и так уже пора.
- Надо проводить! – предложил я и быстро добавил, осёкшись: – Тебе.
- Она на машине, – беспечно махнул рукой Синоптик. – Дорогу знает. Доберётся!

– Так неправильно.

– Разберёмся без тебя, да? – огрызнулся Синоптик, но уже через мгновение засиял начищенной бляхой. – Слушай, сосед! А подкинь пятёру листов, а лучше косарь. На вкусное точево. Я отдам!

Тата была мгновенно им забыта, а всё внимание переключено на меня. Остаток времени до будильника я исполнял прихоти соседа, который сперва подъял остатки галет из моей тумбочки, а затем отправил гонцом за «полусантиметриком колбаски». Я послушно накинул куртку (что оставалось?) и заскользил по улице, окутанной предрассветной мглой. В ларьке набрал целый пакет еды: батон сырокопчёной колбасы, армянский лаваш, кисточку белого кишмиша, ломтик чеддера, томатные чипсы с луком и большую бутылку айрана.

– Захочешь ты мяса! А вот оно! – радовался Синоптик, с остервенением отгрызая от колбасного батона солидный ломоть.

Ещё через час мне пришлось бежать в аптеку за гасталом и боржоми. И следом: за ментоловыми сигаретами, которых лейтенанту Зимину неожиданно захотелось после утихомирённого недуга.

– Говорят, что ментол пагубно влияет на мужскую потенцию, – сказал Синоптик, чиркая зажигалкой и выдыхая бледно-синий дым. Первые две сигареты он честно курил на кухне, но умаявшись носиться между этажами, остался с третьей на кровати. – Наверно, поэтому их курят одни бабы. Ты сам-то, как думаешь?

– Я бы не переживал из-за ментола в табаке, – сказал я, зевая. – Сигарета не морковка, пользу по определению не несёт!

– Ёпта! Сигарета не морковка. Спасибо, кэп, учту!

Продираясь сквозь обилие циничной и нецензурной брани, я выслушал несколько десятков сальных анекдотов и пару историй из жизни, в том числе одну хвалебную оду в честь меховода из мабуты, то есть знакомого механика мотострелковой бригады. На пару с Синоптиком они как-то свинтили дефицитную ураловскую резину с двух «шишариков» – 66-ых «газиков» – и благополучно толкнули её на стороне за полцены.

– Вернее, как, – с азартом рассказывал сосед, – я просто стоял на фишке и следил, чтобы никто ничего не заметил, пока мабутянин справлялся с баллонным ключом. Когда оттаскивали шины за забор, чуть не нарвались на одного шакала, залётного прапора. Но этот мудак был в зюзю, так что лютовал по мере своих возможностей. Ползал там, на четвереньках, ему до нас было ровно полсекунды – до очередного рвотного позыва. Га-аа! Га-аа!

– А почему у тебя кликуха Синоптик?

– Не, – мотнул он головой, – в родном Воронеже для пацанов я Зи'ма, а Синоптиком Тата придумала называть. Сперва вроде в шутку, а потом как-то приклеилось.

Синоптик потянулся за остатками кисломолочного напитка, выплеснул содержимое бутылки в глотку и крикнул от удовольствия.

– При въезде в город видел башню с параболическими тарелками? Ну, такую разлинованную белыми и красными полосами. На мухомор похожа.

– Поездом я приехал. Кроме вокзала ничего не видел.

– Да не важно! – отмахнулся Синоптик. – Она на холме, её с железки тоже видно. Короче, это метеорологическая станция, стоит на балансе части. Раньше её обслуживал штат из четырех военнослужащих, а сейчас – красотень! – америкосовское оборудование, полная автоматика, весь фарш. Одного человека за глаза хватает, чтобы кнопки нажимать. Искандер мне говорил, когда была реформа, ещё при Иванове, под это дело Москва деньги выделила большие. Ясен пень, воевода их попилил, а что? Я бы на его месте также сделал. Тут ведь главное что?

– Что?

– Главное – это золотая середина, чтобы целевые средства освоить и себя не обделить. А там придаться не к чему. На роботах-пылесосах и спутниковой связи он, конечно, сэкономил, но компьютеры для обчёта данных закупил офигенные. До меня лейтюха работал, тоже не жаловался. За семь лет эксплуатации ни одной поломки.

– Теперь ясно, где ты пропадал всё это время!

– А чего мне в общаге делать? – Синоптик пожал плечами. – Тараканов кормить, что ли? Или ждать, пока на меня кусок штукатурки свалится, как на Некрылова?

– Некрылова не успело накрыть! – невзначай скаламбурил я.

– Да не о том речь! На станции я сам себе хозяин, и никакого шухера! Хотя Искандер, сука, всё же вычислил, что я вожу на режимный объект гражданских.

– Тату? – догадался я.

– Не только! Летом была одна бабенция замужняя. Растрепала всем про меня, и понеслось по району, а слонячье радио, сам знаешь, работает быстрее обычного. От мужа её бегал, прятался. Слухи дошли до Искандера. Пожурил меня наш воевода, да забыл. Ну я так думал: оказалось ни фига! Вчера вызвал в кабинет на беседу, спрашивает в лоб: лейтенант, опять к себе марамоек водишь? У меня аж всё похолодело. А потом думаю: подозревает, но не знает наверняка, иначе такой бы разнос устроил, тут же в паркет и укатал бы. Говорю так нагло: никак нет, товарищ подполковник. Смотри мне, отвечает, спалишься, пеняй на себя. Будешь заниматься строевой до дембеля. Встаёт из-за стола, подходит так близко-близко и мне херрась, «электричку» по голени. Это, говорит, для повышения качества обучаемости строевой подготовке на тот случай, если я насчёт тебя не ошибаюсь. А я никогда не ошибаюсь!

– Сурово! – сказал я.

– Он вообще мужик суровый! Нагнал на меня страху, приходится теперь в пентхаусе тусить.

«Пентхаусом» – из-за постоянно протекающей крыши – окрестили свои покои сами вояки, под собственные нужды которых все шестнадцать комнат верхнего общажного этажа взял сосед – войсковая часть 77864 по улице Авиаторов, дом 19. В пентхаус селили в основном прикомандированных и контрактников. У кого была возможность, перебирались в съёмные квартиры. Впрочем, у пентхауса имелось редкое достоинство, перекрывавшее многие минусы общежитского быта: до места службы, то есть до дежурки с турникетом-вертушкой надо было протопать всего три минуты в ритме разжиревшей черепахи. Иногда лифты запускали допотопный лифт, и тогда это время сокращалось вдвое.

С банкротством градообразующего предприятия жилые здания бывшего металлургического комбината по адресам Мамалыгина, 64, Южная, 41 и Авиаторов, 17 перешли в муниципальный жилой фонд города. Изъеденные полувековой эксплуатацией, они требовали капремонта, но в горадминистрации, верно, рассудили по-другому: направили к мамалыгинской трёхэтажке экскаватор и пару самосвалов. Следом под снос пустили барак на Южной. Постройка оказалась настолько захиревшей, что обошлись без драглайнов и их разрушительных чугунных гирь. Бульдозером легонько подцепили несущую стену, здание охнуло, испуская ветхий табачно-винный дух, и аккуратно завалилось набок.

Дом на Авиаторов не тронули, за него вступились немногочисленные собственники, успевшие приватизировать жильё. Комендант общежития Семён Созонович – тогда ещё обычный жилец – был замечен в числе рьяных активистов. Бывший руководитель региональной партачейки здорово попортил кровь местным швондерам: он выходил на митинг, устраивал пикеты и с завидным усердием обивал пороги городских и областных судов. Однажды наметил голодовку оппозиции – отксерил листовки-обращения к жильцам, расклеил по этажам, и смастерил пёстрый плакат «Конфронтация до полной потери сил». Правда, до голодовки дело не дошло. История попала на редакторский стол «Вечернего Красносудженска», а Семён Созонович – на первые полосы местного таблоида, затмив по популярности беспредел битцевского

маньяка и развод четы Абрамовичей. Эпизод информационного противоборства он любил вспоминать всегда, когда дело заходило о трениях с коммунальщиками, с которыми комендант бодался ровно столько, сколько был начальствующим лицом. После освещения событий в прессе дом отвоевали, но не весь, а только пару этажей. Остальные муниципалитет прибрал к рукам, руководствуясь принципом «с паршивой овцы хоть шерсти клок». Пятый этаж оккупировали армейцы, третий и четвёртый поделили между собой собственники. Второй – оказался во власти колокольного дворянства, как пренебрежительно называл Семён Созонович наставников православной семинарии. Обитавший здесь преподавательский состав менялся часто и в большинстве своём состоял из приезжих. Самый лакомый кусок – первый этаж – порезали договорами аренды и отдали на растерзание бильярдной, чопы, секонд-хенда и спортивной организации со странным названием «Хала-хуп и Команда 9». Единственное витринное окно последней, наглухо заклеенное непрозрачной плёнкой со шрифтовым изображением крутящегося обруча и втиснутой в него девяткой, выходило во внутренний двор войсковой части, где посередине тренировочного плаца, давно выродившимся в автопарк под открытым небом, ржавели экспонаты. Долгими часами безделья я пялился на витрину и представлял за ней хрупких, тоненьких девушек в обтягивающих боди с цветными обручами на осиных талиях. В моих фантазиях они крутили хала-хупы и непременно улыбались.

– А Тата, – неожиданного для самого себя спросил я, – она почему... Тата? Ну, то есть, это ты её так зовёшь?

Синоптик посмотрел на меня исподлобья.

– Не, она сама придумала это прозвище. У неё же в голове сплошная киношная чехарда. Ну, это вроде с какого-то фильма. Героиня, говорит, очень понравилась. Но лично я думаю, что Тата это сокращённое от «татарки». Втухаешь, да?

– Не очень.

– Ты посмотри на нашего Воеводу. Настоящий ультранационалист, правда, умело это скрывающий. Сегодня татарин – это звучит гордо. Путин так и говорит: «Я люблю Татарстан». Не хер собачий, а целый главнокомандующий! Политзанятия были, Воевода знаешь, что про него сказал? Он, конечно, урыс, но херметле кеше.

– Чего?

– Это по-татарски. Он хоть и русский, но человек уважаемый. Или как-то так.

– При чём здесь Воевода?

– Как при чём? – удивился Синоптик. – Это её отец.

– Чей?

Раздались позывные будильника: мой телефон жалко завибрировал, возвещая об утренней побудке.

– Ну вот! – сказал Синоптик, – теперь можно давить на массу! – Он сладко растянулся на кровати. – Ты знал, Ким, что Кул-Шариф может попасть в число «Семи чудес России»?

– Нет. Подожди секунду, – я осмысливал услышанное. – Тата – дочь Искандера?

– Ну да, – Синоптик пожал плечами. – Удивлён?

Глава 5

*Не помню ни счастья, ни горя,
всю жизнь забываю свою,
у края бескрайнего моря,
как маленький мальчик, стою.*

Толя Передреев

Был ли я удивлён? Ну, разве что совсем немного. Скорее, это было неожиданностью. В день приезда в Красносудженск, до встречи с командиром военизированной горноспасательной части, куда я был направлен по решению призывной комиссии, я пытался представить, что ждёт меня, точнее, кто ждёт меня по ту сторону двери с табличкой «Подполковник Карибжанов И.Ш.» Воображение, обострённое страшилками, рисовало бравого вояку, бесконечно распекающего подчинённых стервотной массой.

Когда я, постучавшись, тронул запятую латунной ручки, то мысленно был готов усадить ратоборца на ночной горшок, одеть белый колпак, ночную рубашку и тапочки, превратив его в смешную и неопасную персону. В крайний раз мой мысленный эксперимент с деканом вышел столь плодовитым, что даже известие об отчислении, вопреки здравому рассудку, привело в экстатический восторг, заставив меня с фальшивой беспечностью смеяться в голос. Не убоимся взглянуть правде в глаза: в тот самый момент в моих фантазиях он кряхтел и тужился. Может, с моей стороны это выглядело не слишком умно, зато помогло почувствовать хозяином положения, а это, что ни говори, всегда приятно.

Искандер Шарипович Карибжанов оказался типичным татаринком: тёмные волосы, ярко выраженные скулы, широкий нос и складка над верхним веком. Это был крепко скроенный сильный мужчина немногим старше сорока. Китель и галстук, небрежно сброшенные на спинку кресла, удивительным образом позволяли хозяину кабинета быть одетым в форму, но не по форме. Рубашка, расстёгнутая на две верхние пуговицы, и закатанные до локтей рукава, оттеняли неофициозностью, но никак не разгильдяйством. Подполковник был выбрит до стальной синевы и освежён каким-то неуместным душистым одеколоном. Только бегло осмотревшись, я понял, что роскошный кабинет был напитан «бумажным» ароматом горшечных цикламенов. Цветовая палитра их бутонов – клюквенно-красных, огненно-рубиновых, снежно-белых – кипела живыми красками на подоконнике приотворённого окна, втиснутого в вензеля декоративных решёток, на письменном столе резного дерева и полках парных книжных шкафов, стоящих друг напротив друга. Силуэты шарообразных подвесных кашпо угадывались даже сквозь армированное трапецевидное стекло, отсекая от пространства кабинета уютный кухонный уголок. Тему флористики дополняли обои с пышными геральдическими лилиями и изразцовая кладка фальш-камина с листочками цветной глазури.

Сразу стало ясно, что «взрывы» ярости, повышенный тон и оскорбления отодвигаются в сторону, во всяком случае, на время. В самом деле, вместо них я получил горячее национальное гостеприимство. Мне протянули шершавую, похожую на наждак ладонь, и увлекли к гостевому креслу. Подполковник не носил обручального кольца и на его рабочем столе, насколько я успел заметить, не было семейных фотографий, только парадные портреты Путина и Шойгу с лентами триколора. Кажется, именно тогда я решил, что у него крепкий роман со своей работой: такие если и вступают в брак, то ненадолго.

– Пополнение, значит! – сказал он, изучив предписание. – Да ты садись, не стесняйся. Кофем угостишься?

Я утонул в скрипучем кресле и кивнул. Не зная, куда деть руки, упрятал их в подмышки.

– Представляешь, мне в прошлом году подарили на юбилей итальянскую кофемашину, дорогую, а у меня вдруг бац – артериальная гипертензия. – Подполковник скрылся за полупрозрачным пристенком. – На медосмотре, значит, обрадовали. Кофе пить запретили, предложили переходить на фиточай. У тебя самого, как со здоровьем?

– Не жалуюсь!

– Ещё бы жаловался! Молодой, подающий надежды. Студент? Студент! На кого учился?

– На шахматиста.

– Ух ты! У нас и такому учат? Бик яхшы! Вот это да! А чего в вахтёры записался?

– Так получилось!

– Всё бывает, понимаю.

Зажужжали жернова мельнички и аппарат засипел, зашикал выдавливаемым кофе. Подполковник вынырнул обратно, поставил передо мной на стол рассыпанный по тарелке чак-чак, обильно политый мёдом.

– Спасибо!

– Да не за что!

Он протянул мне стаканчик с тягучим и чёрным как дёготь напитком, но из рук не выпустил.

– Ким, признаюсь, я очень напуган.

Я растерялся.

– Чем?

– Понимаешь, обычно молодые люди, призывники, которые оказываются по эту сторону забора первые пару-тройку недель проходят КМБ. Это своего рода вакцинация, что-то вроде БЦЖ для новорождённых. – Искандер запнулся, пропуская натушный грохот трактора, медленно ползущего по улице мимо открытого окна. Едва шум стих, продолжил говорить твёрдым, настоящим тоном, в котором, впрочем, не угадывалось даже намёка на беспокойство. – Вопреки расхожим мнениям, курс молодого бойца не даёт умения подшивать, заправлять кровать, чистить обувь или принимать пищу. Согласись, этим навыкам мы натасканы с детства. Но: он учит делать это быстро и добросовестно. Я называю это прививкой аккуратности и расторопности. Всё остальное время службы, по сути, это карантин и выработка иммунитета. Но ты... ты – случай особенный. Вроде призывник, а вроде нет: по закону я не вправе тебе приказывать. Мои полномочия, как военного человека, тут бессильны. Выходит, твоя сила в моей беспомощности. **Вот что** меня пугает, понимаешь?

– Но я... я не собираюсь ничего такого делать.

– Точно? Мне бы очень не хотелось иметь в своей команде саботажника. Тебе знакомо это слово?

– Ну, в общем, конечно, да.

– Давай, я всё же поясню. – Искандер благодушно улыбнулся и разжал пальцы, наконец освобождая бумажный стаканчик. – Саботажник – это вредитель, небрежно исполняющий или, что хуже, сознательно не исполняющий определённые обязанности, возложенные на него. В УК РСФСР 1926 года саботаж относился к контрреволюционным преступлениям, а это печально знаменитая 58-ая. Ким, ты что-то об этом знаешь?

– Если честно, очень мало.

– Хмм, я почему-то так и подумал. Но ты пей, пей свой кофе, а то остынет. Сегодня текст 58-й у многих вызывает недоумение, мол, ну и что? Тем более, что большинство пунктов этого документа имеют аналоги в современном уголовном кодексе. Ну вот, например, недонесение о готовящемся преступлении.

Подполковник Карибжанов поднял вверх указательный палец, призывая к максимальной заинтересованности с моей стороны. Сгрёб ладонью лежащие на столешнице очки и, упря-

тав за стёклами печальные глаза, подтянулся к полке, склонил голову чуть набок и быстро пробежался пальцами по книжным корешкам. Выхватил нужную – это был Уголовный кодекс Российской Федерации, с потрёпанными уголками и множеством цветных полосок-самоклеек. Безошибочно подковырнул ногтем бледно-синюю, цвета обложки закладку, разломил книгу надвое и зачитал вслух:

– Законодатель поощряет доноительство, вводя ответственность за недоноительство. Статья 205.

Позднее от Синоптика я узнал, что унижительную процедуру вербовки в карибжановские шестёрки проходили все призывники и кадровые офицеры, прибывающие в расположение части 77864. Тонкий знаток людской психологии, Искандер всегда использовал тактику кнута и пряника, как наиболее действенную. В моём случае она сработала безукоризненно.

Искандер вернул книгу на место и, как ни в чём не бывало, продолжил:

– А знаешь, я думаю, всё будет хорошо. Нет, правда, я даже рад, что военкомат дал разнарядку на тебя. Видишь ли, до прошлого года в моей части никаких вахтёров не было, хватало сержантской должности. Потом штат переукомплектовали, должность караульного упразднили, и появился вакант на гражданский персонал. Вот только что-то очереди из желающих трудоустроиться я не вижу. Хм, а чему тут удивляться! За последние годы наш городок сильно обмельчал. Народ шакалит по соседним регионам, некоторые даже в Европу подались на заработки. Согласись, на вахтёрские восемь тысяч не очень-то расхарчишься. А тут на целых полтора года появляешься ты. Радости-то сколько!

Искандер притворно рассмеялся, рухнул в кресло и отрешённо, надмирно посмотрел на меня. Облизал тонкие пересохшие губы, загрохотал ящиком письменного стола, выудив из его недр маленький опрыскиватель для воды, вроде тех, что используют в парикмахерских. Сделал пару пробных пшиков в воздух и неуклюже потянулся к середине стола.

– Цветы, как люди, – сказал он, орошая листочки с «мраморными» разводами. – Каждый имеет свой нрав и темперамент. Кто-то проявляет волю и не боится закорючек жизни, а кто-то, наоборот, демонстрирует свою беспомощность и пасует перед трудностями. Вот этот неаполитанский цикламен требует постоянного ухода. Подкормка, окучивание, опрыскивание, полив. При этом цветёт всего три месяца в году – с конца лета по конец осени. Сейчас самый пик. Посмотри, как хорош! Но в остальное время восстанавливается в безлиственном состоянии и представляет из себя абсолютно удручающее зрелище! А вот это, – Искандер носиком распылителя ткнул на каминную полку, – гибрид персидского цикламена. Совершенно неприхотлив, цветёт пышно с октября по апрель, и листья не сбрасывает, что для цикламенов, вообще-то говоря, не характерно. Казалось бы, цветы одного семейства, а насколько разные. Как мы с тобой. – Он полоснул по мне глазами, острыми, как бритва, оторвался от кресла и поманил за собой.

Морщинистый старик с седыми щетинами на бритой голове и в роговых очках попытался перехватить нас на выходе возле дежурки. Он бросился наперерез подполковнику, но тот властным движением руки остановил пенсионера на полпути.

– Семён, опять будешь денег просить, – вместо приветствия пропел ему Карибжанов.

– Так это, – смутился тот, весь как-то сжался и осунулся. – Пятый заливает к чертям собачьим. Надо что-то делать!

– Вот и делай... что-то, – многозначительно проронил подполковник, мягко потеснил старика и нырнул в выпиленное аркой окошко дежурного: – Игнат, выдай ключи под роспись. Музей, весь комплект.

– Кому? – услышал я утробный голос Игната.

– Наркисову.

– Инициалы...

– Две буквы К, – спешно сказал я, втянувшись в окошко.

– Расписывайся, Наркисов-две-буквы-К, что получил ключи от помещения одна буква М!

Передо мной лёг журнал. Остряк Игнат протянул мне шариковую ручку на шнурке. В графе напротив фамилии я оставил росчерк, взамен получил тубус, измазанный пломбирочным пластилином, с незатейливой печатью дежурного в виде заглавной буквы «М». Я отодрал от пластилина вощёную нитку, нарушил пломбу, свинтил крышку. Внутри пенала лежала связка на кольце из пяти ключей.

Первая спасательная артель, положившая начало развитию горноспасательной службы на металлических рудниках, возникла в Красносудженске после гражданской войны. Её оборудовали в здании бывшей булочной раскулаченного помещика Кизелова. В небольшом одноэтажном здании для команды, сформированной из добровольцев РККА, разместили конторку и подсобное помещение, отапливаемые русской печью. На крыше из пиленого бруса соорудили мезонин, где расположили дозорный пункт. В состав станции, кроме команды спасателей, входили сейсмическая и метеорологическая станции, а также две испытательных штольни для газа. В 1932 году Совет Труда и Оборона по инициативе Секретариата ВЦСПС постановил перевести на военизированное положение все горноспасательные станции по типу военизированной охраны промышленных предприятий. Горноспасательные формирования стали именоваться военизированными горноспасательными частями. Именно этот год считается годом основания воинской части 77864. Послевоенное восстановление экономики СССР дало толчок развитию чёрной металлургии и угольной промышленности. К 1953 году штат горноспасательной части насчитывал шестьдесят семь человек против тридцати четырёх в довоенный период. На Красносудженском горно-металлургическом комбинате имени К. Либкнехта к четвёртой пятилетке были отстроены и введены в эксплуатацию три мартеновские печи общим тоннажем 130 тонн. Но упадок сталинской индустриализации, а затем и обеднение сырья, добываемого на красносудженских рудниках, привели к медленному угасанию темпов развития. После развала Союза металлургический гигант проработал по инерции ещё пятнадцать лет, останавливая один за другим свои цеха. Затухала и ослабевала жизнь горноспасательного дела.

– Ведь как: кто не сохранил многого, не сохранит и малого, а нитка, она, Ким, всегда в тонком месте рвётся, – Искандер прервал рассказ, сжал руку в злой жилистый кулак и забарабанил в дверь. – Ольга Николаевна, эйтегез эле, вы там уснули, что ли?

Подполковник укоризненно свёл брови к самой переносице и, заложив руки в карманы, переместился к соседней двери, подёргал ручку, на всякий случай позвал:

– Оксана Павловна! Оксана Павловна!! Вы там?

Он беспомощно пожал плечами и глянул на меня. Вытащил из кармана мобильный телефон и сделал вызов.

– Ольга Николаевна, душа моя! Где вы пропадаете? – замурлыкал в трубку подполковник. – У нас новый сотрудник. Да, сотрудник. Оформляем по трудовому. Что? Ну, какой магазин в рабочее время, в самом деле?

– О Алла, дай мне терпения! – воскликнул Искандер, отключаясь. – Правильно говорят у нас на родине: пусть будут прокляты как белая змея, так и черная змея. Она пошла за шерстью для вязания. Это вообще нормально?

– Ольга Николаевна – это кто? – поинтересовался я, потому что не знал, как ответить на вопрос командира, а промолчать было всё-таки невежливо.

– Очень скоро, Ким, ты будешь знать всех, тем более что нас тут по пальцам можно посчитать.

Действительно за всё время, пока мы неспешным шагом брели на второй этаж по кольцевому коридору, навстречу попался только какой-то бойкий солдат, прошмыгнувший мимо с ведром и тряпкой.

– В нашем военизированном подразделении всего двое гражданских, – продолжил пояснять Искандер, – и обе женщины. Ольга Николаевна – делопроизводитель. На её плечах весь документооборот. Кстати, архив и картотека тоже. А вот это бухгалтерия. Запомни: кабинет 4. По всем финансовым вопросам – это не ко мне, а к Оксане Павловне. Хорошая женщина, акыллы, умная, но много болтает. Очень длинный язык. Надеюсь сегодня всё-таки дождёмся Ольгу Николаевну, тебя оформят трудовым соглашением – будешь третьим в компании. Если умеешь делать ксерокопии, искать в интернете нужную информацию и заправлять краской принтеры, готовься: будешь для наших дам мальчиком на побегушках. Не отбрыкивайся от поручений, дружи с ними обеими. Социофобам и одиночкам в армии тяжело. Я не пугаю, у нас тут вовсе не Чикаго эпохи гангстеров, но тем не менее выжить можно только бандой. – Искандер усмехнулся. – Да, если бы в моей банде была Оксана Павловна, я бы вообще ни о чём не переживал.

Я непонимающе моргнул. Затянувшаяся на доли секунды пауза наполнилась добродушным смехом подполковника. Лучики морщинок рассыпались от его глаз к острым скулам. Сзади раздалось шарканье и прерывистое дыхание. Вдоль стены осторожно крался уже знакомый мне старик. Искандер обернулся, и улыбка медленно сползла с его лица.

– Семён, ты словно тень отца Гамлета... – подполковник устало прислонился к шершавой стене.

– Почему? – смутился старик, растопыренной ладонью оглаживая шишковатый череп.

– Уже который день я отсюда вижу, как вокруг дворца нетрезвое гуляет приведение, дух Вашего великого отца! – неожиданно процитировал Шекспира подполковник.

– Я трезв, – по-своему воспринял замечание Искандера старик и неожиданно нудным голосом запричитал: – Искандер Шарипович, я вот смету подготовил по ремонту. Может всё-таки взглянете?

– Семён, ты либо глуп, либо хитёр. Сто раз тебе говорил, ремонт арендованного помещения не наша забота. Пусть этим занимаются коммунальщики.

– Эти коммунальщики палец о палец не ударят, – зло выдавил Семён. – Дожди какие льют! Пятый заливает к чертям собачьим. Надо что-то делать!

– Да, ты повторяешься, я это уже слышал. – Искандер размял виски и неожиданно повернулся ко мне, щедро обнажая в улыбке белые зубы: – Ким, у меня есть мысль. Тебе точно понравится! Вот это Семён Созонович – комендант нашего общежития. Старожил в самом прямом смысле этого слова, всё помнит, всех знает. Семён, Ким вливается в наши стройные ряды на полтора года вахтёром музея. Помогите ему осмотреться, покажите вахту. Проводите в общежитие, дайте комнату. Ну, не мне тебе объяснять: сам всё знаешь...

– Нет времени, – запротестовал Семён Созонович.

– За мной бегать, – сухо обронил Искандер, – у тебя время есть, значит! Это не просьба, а приказ, Семён. Ким, а ты после заглянешь сюда, к Ольге Николаевне. Подпишешь договор, ознакомишься с должностной инструкцией. Не забудь сдать ключи в дежурку, ты за них расписывался. И подумай наперед о нашем разговоре. Хорошенько. Всё понял?

– Конечно, – сказал я, переминаясь с ноги на ногу. – А на работу когда?

– Завтра в восемь.

– Ага, понял.

Искандер кивнул и зашагал прочь по коридору.

– Товарищ подполковник, а как же смета? – крикнул вдогонку комендант.

– Ах да, – Искандер остановился, – совсем забыл, действительно. Я тут знакомил Кима с историей местных горноспасателей, рассказывал про нашу часть, про Красносудженск. Ты же, кажется, был политруком? Подхвати мой рассказ. Должно быть интересно.

– Как же так! – застонал от бессилия Семён Созонович, заламывая руки и недобро поглядывая на меня.

– Ладно, можно без экскурсии и без рассказа, – предложил я.

– Пацан, давай без «ладно», – строго отсек старик и рубанул железным: – Приказы не обсуждаются, у нас тут авторитарный стиль правления. Армия называется.

Я кротко кивнул, и мы оба, угрюмые и подавленные, поплелись во двор.

Отец-основатель тов. Сулагубов Н.Г. – на фотографии курносый, с широкой ниткой шрама через всё лицо – когда-то славно постарался, чтобы слепить паноптикум в подсобке бывшей булочной помещика Кизелова. Назвать музеем сборище необычных вещей, имеющих то или иное отношение к горноспасательному делу, назвать было сложно. Тем не менее красноармеец Сулагубов трепетно собрал не только предметы, но и легенды горноспасателей – различные байки, предания и небылицы. Собственно, фольклор, усердно перепечатанный на унтервуде безвестной стенографисткой, единственное, что дошло до современников в неизменном виде. Зажжённая керосиновая лампа, оброненная нерадивым конюхом в солому, выжгла дотла бревенчатую конюшню, а вместе с ней загон для лошадей, водокачку и артель горноспасателей. С верхней площадки мезонина дозорный смог первым заметить пожар, и ударить в тревожный колокол.

До приезда пожарников старались пламя залить водой из водокачки, но огонь быстро отрезал пути подхода. С остальными Сулагубов пытался усмирить стихию. Он отказался покидать горящее помещение, до последнего предпринимая отчаянные попытки спасти свою коллекцию. Уже на утро из пепелища вытащили ещё горячий железный сейф, где обнаружили неразобранную по датам машинопись. Мумифицированные реликвии живых свидетельств прошлого – частично обгоревшие письма, карты, донесения, знаки отличия, вахтенный журнал дозорного и журналы наблюдения за погодой, а ещё войсковой германский респиратор и пульпомотор для искусственной вентиляции лёгких перевезли на Ястребиную гору, где коллекция Сулагубова обзавелась помещением и новым адресом. Музей получил статус официального и стал именоваться сперва историко-патриотическим, а после реорганизации 32-го – военно-историческим.

Отгремевшая война подкинула раритетов, и немало: музей распух, раздулся и даже проявил себя в общесоюзном каталоге музееведения, незаметно и негласно стал центром народных гуляний. В хрущёвскую эпоху московские озеленители насадили в Красносудженске махровой сирени с кожистыми листьями и ароматными цветками к празднику Победы, но не учли дипломированные садоводы, что сибирский климат не даст столичным сортам зацвести раньше июня. Традиция всё же прижилась и каждый год к музею-на-горе стайками тянулись октябрята и пионеры, сжимая в потных ладошках оборванную с кустов ещё зелёную сирень. Её пока не цветочный, а древесно-травяной аромат гулял над горой, примешиваясь к блуждающим запахам передвижной кухни-столовой, меню которой от года в год оставалось неизменным – варёная греча с луком и чёрный чай с сухарями.

С Ястребиной горы открывался прекрасный вид на город: на неровные улочки, обставленные старыми деревянными срубами вперемишку с новыми кирпичными кубикадди многоквартирных ульев; на полынно-зеленые купола-луковки Никольской церкви, не порушенной большевиками; на бесконечность советской инженерной мысли – наплавной мост с железобетонными аппаратами через свивающуюся в петли и узлы речку Змейку, полностью оправдывающую своё название; на тёмные и грозные проёмы штолен, на ощерившиеся трубы сталеплавильных печей, нависшие перстом судьбы над пятитысячным горным посёлком, за время усиления промышленного производства разросшимся на порядок, и превратившемся в город областного значения.

Военно-исторический музей как-то незаметно увяз в краеведении, фонд серьёзно прибавил в весе, огрузнел и потучнел экземплярами серийного обливного чугуна, кованым ломом, ребристыми траками, колбами фугасных снарядов, штыками-отвёртками и прочими изделиями металлургического комбината им. Либкнехта. Музей расплетал экспозицию за преде-

лами стен крытого шифером флигеля: на пожухлой траве замусоренного плаца, давно превращённого в кладбище списанной техники, смиренно вросло в землю могильными холмами ЗИЛовское наследие – 130-е и 131-е грузовики, почти рассыпавшиеся в ржавую махорочную труху. Стоящие рядом на приколе четыре костенелых хребта на искорёженных шасси, в лохмотьях облупившейся краски, были когда-то оперативными «вахтовками» производства Щёкинского деревообделочного завода с копотной компоновкой и деревянным каркасом. Сегодня они напоминали семейство доисторических ящеров, живших в кайнозойе отстранённой жизнью и однажды прозевавших эволюцию своего подвида. Ещё фантастичнее смотрелась пара местечковых поделок, похожих на изобретения косоного мастера Левши. Завершал куадрилью диковинный зверь с двух рогатинах, поставленный на массивный четырёхугольный постамент. Бетонированный пьедестал, окружённый неухоженым палисадником и редким штaketником, подпирали небрежно припаркованный шоколадно-коричневый Бентли Мульсан. Совершенно неуместный здесь, блестящий полиролью и хромом, с хищническим оскалом радиаторной обрешётки, он порождал предельно зрелищную конфронтацию.

Заметив мой интерес, Семён Созонович обошёл по кругу лимузин и любовно провёл ладонью по округлому боку автомобиля.

– Нравится? Нашего командира боевой конь. С места до сотни за 7 секунд. Двигатель 505 лошадак, коробка автомат. Отделка салона – ручная работа. Единственный в своём роде.

– А это? – я указал на заграждение.

– Хм, тоже единственный в своём роде. – Старик приподнял подбородок, наполовину скрытый жиденькой курчавой бородёнкой, и устремил взгляд в направлении моей ладони. – По науке называется троллейвоз: гибрид троллейбуса и грузовика. Он часть музейной экспозиции, поэтому зовём его просто и незатейливо – Экспонат. Работает, как швейцарские часы, сделан со знаком качества. На день рождения вэчэ и Девятое мая выгуливаем по улицам без поводка.

– Как это: без поводка?

– Без проводов, значит. Ну, чего зенькаешь? Не нужны они ему. Говорю же, – усмехнулся старик, – единственный в своём роде. Эксперименты с такими машинами в конце пятидесятых ставил завод имени Урицкого, а в массы внедрял другой – Сокольнический вагоноремонтный. Этот агрегат оттуда. Видишь, сбоку выведен глушитель с выхлопной? Здесь две параллельных системы привода – от двигателя внутреннего сгорания и от электромотора.

– Первый раз такое вижу, – признался я.

– А то! – зарделся старик, словно в том была его заслуга. – Экспонат попал в часть не сразу, а окольными путями. Было у города после войны своё небольшое троллейбусное хозяйство: шесть километров контактной сети, два троллейбуса на маршруте «единица» от центра до Горно-Обогатительной. После веерных отключений прислали этого «рогатого». Работал буксиром, пока «единицу» не сделали для служебного пользования. Продлили на два с половиной километра до Красносудженских рудников, пустили трёхвагонный автопоезд, а тянул его Экспонат. Но настоящим экспонатом – музейным – он стал только лет через двадцать пять. К тому времени провода вовсе срезали, и он колесил на бензиновой тяге туды-сюды, пока рудники не обмелели.

Я внимательно посмотрел на «рогатый» Экспонат. Порченный крупными оспинами коррозии кузов напоминал уродливую коробочку с остеклёнными проёмами для лобового и боковых обзоров, поставленный на широкие колёса. По-рыбьи выпученные фары-глаза немигающе смотрели вдаль поверх меня. Двухстворчатые двери, располовиненные внутренней перегородкой, вели одновременно в кабину и в салон. Они были все в заклёпках и с навесным замком, похозяйски прикрытым от дождя половинкой срезанной «полторашки». Экспонат хоть и выглядел получше своих собратьев, тем не менее, аналогий с швейцарскими часами у меня не выявлял.

У входа с червлёной доской «Памяти основателя музея тов. Сулагубова Н.Г., героически погибшего при пожаре в июне 1928 г.» комендант остановился, отсчитал три ступеньки осевшего на правую сторону крыльца, потоптался у двери, сковыривая носком хромового сапога забитые под дверной косяк листья и, обернувшись через плечо, предложил:

– Ну, открывай.

Я спохватился, вынул из кармана ключи, интуитивно вставил в личинку самый большой – жёлтый цилиндрический, с насечками на торце. Ключ охотно щёлкнул и провернулся. Окутанное полумраком помещение встретило тяжёлым, спёртым запахом не то старых ковров, не то запылённых книг. Семён Созонович перегнулся через низкую кафедру и выкинул передо мной пухлый журнал.

– Отныне он твой! Журнал учёта посещаемости. Внутри найдёшь много чего полезного. К примеру, график дежурств или дембельскую сказку на ночь. – Глаза коменданта умаслились и подобрели. – Правда, сказка тебе, скорее всего, не пригодится, а вот графиком дежурств, будь добр, не пренебрегай.

Вспыхнул свет. Мой сопроводитель по-хозяйски осмотрелся, повёл носом и изрёк:

– Воняет, как в библиотеке.

Я осмотрелся. Музей занимал единственную комнату флигеля и напоминал флотскую казарму – приземистую, унылую, построенную по шаблону, но без кроватей, зато с огромным, во всю стену изображением военной судоверфи и корабля-эсминца. Морская атрибутика в виде кораллов, ракушек и раковин на полках внутри стеклянных подсвеченных колонн усиливала моряцкий стиль и ещё больше вводила в заблуждение.

– Странно! – сказал я, размышляя, какое отношение флотилия имеет к горноспасателям и рудникам.

– Ничего странного! – сказал Семён Созонович и запустил руку под лацкан шерстяного пиджака. Вытащил на свет «мерзавчик» – маленькую, около половины стакана, бутылочку. Прильнул к горлышку, запрокинул голову и дробно забулькал.

Я отвернулся, смущённый несдержанностью старика.

– Ничего странного! – повторил Семён Созонович, шумно выдохнул и занюхал лацканом. Он бесцеремонно оставил пустую улику на кафедре, пижонски заложил руки в карманы брюк и дошёл до торцевой стены флигеля, где висел постер. – Этот спонтанный стрит-арт я самолично спёр с витрины военторга. Здесь польза от этой картины очень большая.

– Это какая?

– А вот такая!

Комендант отдёрнул отворот, демонстрируя огромное в половину стены непечатное слово из трёх букв, намалёванное красной краской. Чтобы развеять все сомнения, неизвестный художник подкрепил значение слова его графическим изображением.

– Пацан, хватит меня взглядом сверлить! – огрызнулся комендант и снова замаскировал непристойность растянутым во всю стену постером. – Не вздумай об этом сказать Искандеру.

– А кто так... пошутил?

– Да есть у нас один шутник! – он махнул рукой.

– А закрашивать не пробовали?

– Надобно, чтобы повисело ещё недельки три, – серьёзно сказал Семён Созонович. – Опосля закрасим.

Неподконтрольную мне логику Сазана я решил до поры до времени не трогать. Демонстративно потыкал пальцем в ракушки:

– А эти дары моря – зачем?

– Это не дары моря, а археологическая находка – типичные представители ископаемой фауны, – захмелевшему Семёну Созоновичу с трудом дались последние слова, поэтому он

решил не экспериментировать с голосовым аппаратом и перефразировал проще: – Ракушкам этим хренова туча лет.

– Раковины аммонитов, – догадался я. – В моём Чабакуре тоже много чего осталось из мезозойской эры.

Законсервированный музейный памятник поражал контрастом хозяйственного упадка и незаурядностью экспозиций. Если не считать безумной настенной живописи анонима, в остальном место подпадало под описание мемориального казённого музея. Кроме окаменелостей мелового периода внутри стеклянных колонн присутствовала уже упомянутая фольклористика в сотне опалённых машинописных листов, аккуратно вложенных в прозрачные пакеты-«файлы». Установленные в шахматном порядке, пространство комнаты занимали стенды, похожие на бликфанг-конструкции, вроде тех, что стоят на входе в торговые и развлекательные центры. Я расплющил нос о холодное стекло, и залюбовался, совершенно забыв о собеседнике.

Внутри боксов-аквариумов теснились огромные поясные портреты и фотографии ветеранов артели. На плечиках с кованым крючком болтался суконный полувоенный китель первого командира. Рядом бесформенно обмяк выцветший стяг отряда. Покоились под стёклами кубки, грамоты, медали, кусок магнитного железяка, спасательный костюм, похожий на костюм водолаза времён Жюль Верна, россыпь тряпичных респираторов мышино-серого от пыли цвета, таксофон с латунным шильдиком TESLA, складные носилки, фрагмент трансформаторной обмотки, червячные шестерни и совсем непонятные предметы, о назначении которых можно было только гадать. У каждой вещи обязательно присутствовала сопроводительная бирка, где мелкими машинописными буквами шли пояснения, приводились краткие характеристики в виде столбца цифр. Рядом с увесистым телефонным аппаратом я прочитал такой текст: «Аппарат приёмо-передающий проводной фирмы TESLA для аварийной связи. Обеспечивал двухстороннюю телефонную и телефонно-кодovou связь на дальность до 9 км, питался от сухих батарей, имел усиленную базу и высшую категорию взрывозащиты. Пришёл на замену устройству телефонной связи «Шахтофон-1». Модернизация на Судженских рудниках произведена в 1986 году. Эксплуатировался до 2001 г.» Или, например, вот: «Горный домкрат ДКГ-1ПУ. Универсальный с пружинным возвратом штока. Поршень домкрата перемещался за счет усилия, которое возникало благодаря гидравлической жидкости, находящейся под высоким давлением в полости под поршнем. ДКГ-1ПУ входил в моторизованный спасательный набор. За всё время эксплуатации на Судженских рудниках с 1968 по 2001 гг. эффективно применялся в пяти спасательных операциях. Помог уберечь жизнь 85 горнякам».

– Что скажешь? Нра... нравится? – Осоловевшие глаза коменданта озоровато гуляли по сторонам, не в силах сфокусироваться на моём силуэте. На кафедре незаметно появился второй пустой «мерзавчик».

Я отлип от ртутного мертвенного света бокса и отёр лицо ладонью, словно хотел убрать с него гримасу изумления.

– Столько всякой всячины! Не музей, а компот с сухофруктами.

– Будет удивляться! Самый... компот впереди! – Тонкие губы старика вздрогнули, вроде от смеха. – Это были твои владения. Идём, теперь, покажу свои.

– А далеко?

– Пришпоривать коня не надо! Отседа моё королевство в окошко видно. Вон! Только сразу предупреждаю, – морщины на впалых щеках старика сделались глубже, стали будто вырезанными ножом, – с меня пример брать не надо. В моём королевстве ходят все трезвые, как стёклышки. Доходчиво формулирую? В общежитии сухой закон. Точнее, два сухих закона.

– Это как?

– А вот так! – Семён Созонович хитрецами подмигнул, качнувшись на полусогнутых коленях, боднул перед собой воздух и зачем-то погрозил мне крючковатым пальцем в сливовых

пятнах мозолей. – Второй сухой закон – не ссать на головы соседям снизу. Не ссать и не срать! Трубы не выдерживают.

– Понятно, – сказал я, всё больше утверждаясь в мысли, что старик не подведёт: всё самое вкусное меня ещё только ждало.

Глава 6

*Вот вам бы все песни петь да дурачиться,
да чтобы с музыкой, с фортепиано...*

Катя Горбовская

Поначалу я почти ежедневно отправлялся подышать терпким, напитанным хвойной смолой воздухом. Его тянувший привкус, как от вяжущей во рту хурмы, щекотал язык и гортань, покрывая слизистую тонким налётом. Сибирский воздух не похож на московский – под настроение можно прошагать и час, и два – дышишь жадно, но не из-за одышки, а от обилия в нём кислорода и эфирных масел. Не воздух, а энергетический коктейль! Только прошагав с десяток километров и подобравшись вплотную к магистральным штольням, очерченных периметром колючей проволоки, я начинал тереть кадык и тихонько пробовал голос. От переизбытка кислорода он часто становился тонким и скрипучим, как чернильное перо. Обкатывая на языке кисло-сладкий вяжущий шарик слюны, я чувствовал, как сокращается и растягивается дыхательная диафрагма, как вялая истома накатывает простейшими рефлексамы мышечного тонуса. Подспудно разлаживались какие-то внутренние механизмы и открывалось второе дыхание, столь необходимое на обратную дорогу.

В один из таких вечерних променадов на моих глазах сотворилось топическо-сентябрьское чудо – выпал первый снег. Словно ставленник надвигающихся заморозков, падающий снег не таял. Он обильно усыпал пригорки, замарывая свежей побелкой бархатную черноту голой красносудженской земли.

Лёгкость сибирских морозов сыграла злую шутку. На третью неделю акклиматизации на новом месте организм предъявил мне тревожную дрожь в коленях. Дни, обманчиво облаканные солнцем, к вечеру кончались студёным коварством. Снег больше не случался, а остатки первого разметало по углам и закоулкам.

Как ни прискорбны были дни слабости, с прогулками я старался не завязывать. В выходные гулял до магазина и обратно, остальное время отлёживался, слушая радиоспектакли настроенного на театральную волну приёмника. Время от времени пролистывал взад-вперёд сборник шахматных задач Иващенко. Думать о комбинациях не получалось, и потрёпанный учебник всё время уносило потоком выкованного бытия на подоконник или под подушку. К вечеру наваливалась дикая апатия: мир казался мне удручающе одномерным, воображение в красках рисовало замшелый могильный камень в листьях плюща, под которыми едва угадывалась полустёртая от безвременья надпись: «Для моих несбывшихся надежд». Когда окончательно терял вкус к тонким страданиям, забывался тяжёлым дурным сном. Под вой ветра за окном мне снился гудящий в борах огонь. Ало-бурые языки налитого энергией и силой пламени норовили вырваться наружу. Сон неизменно выводил в декорации погибающей в огне артели, где Сулагубов со шрамом на лице, точь-в-точь, как на старой пожелтевшей фотографии, отчаянно боролся за музейные реликты. Будто сошедшая с чаши Олимпийского огня, пламенеющая канонада расплёскивалась вокруг, неукротимая и неумная, пожирала людей, предметы, саму канву дурного кошмара, я просыпался в поту. Руки и лицо горели, по-прежнему ощущался жар выжженного пепелища. Потом меня знобило. Я пытался согреться одеяльным синтепоном, но безуспешно. Вспоминал о баночке консервированной ягоды, закутанной в тряпицу и выданной мне перед дорогой. Все мамы обожают малышню лечить малиной. Это у них, что ли, сидит на генном уровне, на уровне базовых инстинктов. При простуде и ангине я неизменно получал сладкое питьё: чай с малиной. Вместе с отваром чайного листа

на ухо мне нащёптывалась охранительная молитва. Ягодный наговор работал безотказно – не позднее следующего дня болезнь отступала. С этими воспоминаниями и заветной банкой я подымался с кровати и волочился на четвёртый за кипятком. В эмалированной, обжигающей пальцы кружке распускал малину, перетёртую с сахаром. Залпом пил тошнотворно-сладкую бурду и плёлся обратно в комнату. Без нужных маминых нащёптываний от малины было мало проку. Организм сопротивлялся сколько мог, но холодные промозглые ночи доканывали и уедали всё сильнее.

Разлад измученного болезнью организма вошёл в стадию кульминации во вторник, а накануне, как это обычно бывает, симптоматика ослабла и наступило обманчивое облегчение. Как только утвердился в мысли, что иду на поправку, моя иммунная система выкинула фортель – температура подпрыгнула до 38 с половиной. Я всё же потелепался на службу, наивно предполагая болезнь пересидеть. Новая метрика времени и пространства окутала мой рассудок. Помещение музея искажалось и вытягивалось по дуге в сотни миллиардов парсеков необъятного межзвёздного пространства, минуты и часы размазались тягучим мёдом на целую эпоху, куда можно было бы вместить всю историю человечества от рождения до наших дней.

Сам не помню, как досидел до четырёх, без обеда – есть совершенно не хотелось. В голове развлекались и блудили электрические смерчи. В лёгком беспамятстве набрал номер дежурного и слабым голосом попросил соединить с командиром части. Как и положено начальству, Искандер жалкие увещевания подчинённого пропустил мимо ушей, но не возражал против «укороченного» дня в музее, было похоже, подполковник куда-то спешил: он бросил трубку, не успев договорить. Слабость гуляла волнами по телу, лениво было даже двигаться, поэтому я решил не делать крюк до дежурки, а захватить ключи с собой.

Сохраняя монашеское безразличие к окружающей меня действительности, я по-настоящему радовался только одному: натруженному гудению лифта в фойе общаги. Его запустили утром после трёхдневного простоя и кажется к вечеру он ещё не успел сломаться. Досадное неожиданность поджидала у дверей комнаты – ключ категорически отказывался укладываться в личинку замка, словно ему что-то мешало изнутри. Желание принайтовать себя к кровати откладывалось на неопределённый срок. Я подёргал ручку. Безрезультатно: дверь была закрыта изнутри. Вихревая энергия мигрени усилилась, я зло пнул ногой дверной косяк, и это возымело действие. По ту сторону послышался шум, приглушённый голос. Дважды щёлкнул проворачиваемый в замке ключ и в коридоре показалась взлохмаченная голова Синоптика.

– О! Привет! – сказал он и стрельнул глазами на электронное табло часов напротив. – Ты что-то рановато.

– Мы, кажется, о встрече не договаривались! – ответил я вместо приветствия. – Пропустишь или как?

– Сосед, некстати ты подался в самоходку...

Я подтянул рюкзак, нервно уминая в вспотевшую ладонь широкую заплечную лямку.

– Ты не один? – озарила меня догадка. – Там кто? Тата? Вы что, помирились?

– Гля, любопытный! – Синоптик пресёк мои попытки заглянуть внутрь. Через дверную щель он просочился в коридор, загораживая собой, как живым щитом, проход. Частично запахнутый банный халат с рюшами открывал пикантную подробность – ситцевые синие трусы архаичного фасона. В подобном облачении Синоптик смахивал на форменного фетишиста.

– Слушай, сосед, ты всё отлично сечёшь! Вот как раз сейчас мы миримся. По-дружески, исчезни на часок, а?

– Вы можете мириться где-нибудь в другом месте?

– Я честно, в гости к ней напрашивался! Веришь-нет? – Синоптик понизил голос до шёпота. – Намекал всячески. Мои намёки интерпретировали верно. Сказали, на самоубийцу вроде не похож.

– В смысле?

– В смысле, к Тате нельзя! Папашка ейный мне уши бантом завяжет, если узнает с кем дочь крутит шуры-муры. Так что у нас всё на правах анонимности.

Я обругал его козлиной. Меня жутко раздражало его шапкозакидательское настроение. С чего он вообще решил, что с девушкой поступать так позволительно, а после ещё идти на мировую. А может, я был раздражён острой нехваткой собственной уверенности, чтобы вломиться в комнату и в наглую занять свою кушетку. Организм, разболтанный инфекцией, отчаянно паниковал при мысли, заикленной на перспективе встречи с Татой. Мысль усугублялась, плутая воспоминанием. Устав спотыкаться об электрическую змейку, ювелирным серебром опутавшую раковину уха, о глаза-маслины с винным туманом окраинных белков, о филированной чёлку, зубчиками выгрызающую домики бровей, я сатанел от предельной неясности, не в силах решить мучавшую меня жизненно важную задачу. Заниматься самокопанием сейчас хотелось меньше всего, да и возражать особых сил не было. Я развернулся и заковылял прочь.

– Стой! – окрикнул меня Синоптик и скрылся за дверью. Через пару мгновений появился снова. В руках он держал портмоне с тиснёным узором в виде ковбойской шпоры. Вытряхнув из кожаной утробы бумажника несколько купюр, протянул их мне. – Возьми-ка, а! Попей пивка, поиграй в шахматы со стариками в парке!

– Совсем... да?

– Ну, что ты кобенишься, как упрямый ишак под забором? Дают – бери, бьют – беги. Такая, знаешь, нехитрая житейская мудрость. По жизни пригодится!

Синоптик не стал дожидаться, пока я облачу туманные мысли в готовые предложения: запихнул деньги в мой карман и быстро просочился обратно за дверь, на прощание оттопырив большой палец в согнутом кулаке.

– Сам... ишак! – запоздало крикнул я через дверь, когда замок уже отсчитал два оборота.

Единственное прибежище, способное принять меня без условий и обязательств, была кухня. Но едва эта мысль укрепилась в голове, зацепившись нейронными связями за извилину, отвечающую за опорно-двигательный аппарат, с лёгким хлопком, похожим на жидкое одиночное рукоплесканье, потемнело в глазах, будто резко выключили свет. Впрочем, так оно и было, хотя, чтобы это понять, потребовалась пара долгих мучительных секунд.

Замки заворочались в дверях – в коридоре послышалась череда нервно-раздражённых голосов. Я в надежде прислушался к замку своей двери, но по ту сторону не спешили отворять засовы. Зачем любовникам свет, им и так вольготно.

По коридору вспыхивали огоньки зажжённых спичек и зажигалок, мерцали экраны мобильных, кто-то нарочито громко щёлкал тумблерами на щитке: безрезультатно.

– Похоже обесточена вся улица, – сказал кто-то, силуэтом шарахаясь у чуть светлеющего проёма окна. – Коммунальщики, суки, опять мудрствуют!

Эти последние слова действовали для обитателей общежития чудесной успокоительной пилюлей. Беспросветная безысходность и фрустрированный трагизм, в общем, штатной ситуации заставили отгнать последние недовольные голоса и расползтись немногочисленных жильцов по комнатёнкам – дожидаться уготованной им участи.

Осторожно спустившись ниже на этаж, подсвечивая дорогу светодиодно-телефонной вспышкой, я обнаружил что коридор и кухня отданы на растерзание людей в комбинезонах, которые очевидно служили не следствием, а причиной отключений. Световые блики на их налобных фонарях создавали немного дискотечную атмосферу, её усиливал льющийся из неведомого хрипловатого динамика попсовый мотив. Исполнитель как раз упражнял голос в припеве, натужно надрывался: «Девочка в платице белом, ты так умело двигаешь телом мне назло, девочка в платице белом, с ума свела смело! Что ты наделала?!» Рабочие, разматывающие силовую кабель из деревянного барабана, работали с лентой и так же полегоньку, вяло поругивались матом, обвиняя друг друга в случившейся оказии.

– Баран ты, Владик, запитал фазу на ноль!

– Ильич, тут схема необычная! Народ электричество тырит, а я виноват.
– Влад здесь при чём? Олегу надо говорить, пусть берёт «кошки» и лезет на столб.
– Нашли крайнего, да? Я что подвязался, за другими косяки подбирать?
– Олежа, электромонтажник-высотник у нас ты, а на столб лезть по любому! Ильич, ну скажи!

– Да пошли вы... оба!

Для умиротворения и уединённости здесь было слишкомлюдно. Не думая, решил отступать. Ввиду отсутствия электричества слово «сбежать» не подходило. Преждевременные радости относительно работающего лифта выветрились быстро, как плохо укупоренный фейковый парфюм. Пришлось, с частыми остановками, медленно спускаться обратно вниз по тёмным лестничным пролётам. Когда я наконец вырвался из мерклых объятий коммунального склочника, привыкшим к темноте глазам предстало зрелище одновременно отвратительной унылости и грандиозной фееричности.

В этих краях густо-синий вечер падает на город быстро. Раскрыв двухстворчатый зев, он вгрызается в землю, заставляя испуганно вспыхивать ртутным мертвенным светом уличные фонари. Но когда фонари в силу техногенных факторов или чьей-то глупости умолкают, дремучей мглою начинают дирижировать рассыпанные по небу звёздные скопления. Они накручивают яркость до предела, умело пользуясь моментом, чтобы явить себя во всей красе. Несмотря на чуждость и внутренние страдания, я загляделся на мерцающий вечерний небосвод. Момент был прекрасен, но стремителен. По богато устланной ухабами дороге прогрохотала машина. Лучи от фар нервно прыгали, походя на стрелки неисправного прибора. Автомобиль вильнул, разворачиваясь на пяточке перед бетонным козырьком общежития, где гудела компания, подсвеченная оранжевыми огоньками сигарет. Один огонёк прочертил дугу мимо урны, и к машине поплыл тёмный силуэт. Контуры сложились пополам и безмолвно поглотились салоном. Авто, противно стрельнув в меня слепящим светом фар, резко рвануло с места, осыпая градом камушков ступеньки. Покинутая компания, словно потеряв какую-то важную скрепу, мгновенно развалилась, рассыпалась на одиночек, разбредшихся по сторонам, и я, переминаясь ноги на ноги, остался наедине со звёздами. Но красота звёзд больше не пленила – я начал замерзать. Заткнул руки в карманы и нащупал хрусткие купюры. Пользоваться советами Синоптика я не стал – холодное пиво только бы усугубило состояние, а высматривать любителей шахмат в стильном парке было бы ещё большим безумием. Я решил просто подыскать дорогое кафе с хорошим обслуживанием и отсидеться за чашкой горячего шоколада.

На свете есть много городов, расхолаживающих пыл туриста. Славному городу Красносудженску на роду не было написано стать меккой для туристов, таковым он не задумывался. Красносудженск – это моногород и суровое наследие социализма. Раньше он был очень популярным, но его популярность пошла на спад. Сегодня он входит в топ-20 худших городов Сибири и Дальнего Востока по версии журнала «Социсследования». Да, есть такой журнал, и они проводят подобные опросы: сам читал.

Нет, пройдя под горку насквозь утонувшую в грязи и темноте улицу Авиаторов, свернув к набережной Гурьянова, где декоративные корабельные фонари бросали тени на высаженные вдоль парапета липы, я не встретил стайку гопотени в «олимпийках» с пивными баклагами наперевес, ареалом обитания которых была и остаётся любая российская глубинка. Не попала на глаза сшибалы, побирušки и бомжи, столь сильно докучавшие в Чабакуре. Быдло и нищелюды, если гнездовались в здешней округе, то, очевидно, перевелись в места более житные и хлебные. Вместе с маргиналами выпали все остальные слои общества. Я увидел пустынную набережную с рядом работающих, но пустых кафешек. За окнами захудалых второсортных общепитов дожидались посетителей клеёчатые столы, скучающие официанты ожесточённо курили в дверях, размалывая жёсткие на морозе слова в мобильники – единственное средство

от скуки. За двадцать минут прогулки мне на встречу попало всего трое или четверо прохожих, спешащих куда-то по своим делам.

Говорят, у города были проблемы с экологией, но после того, как на консервацию поставили восемь из девяти работающих шахт, это благоприятно отразилось на качестве воды и воздуха, в чём я и сам мог убедиться. Ровно по той же причине на лицо были все признаки экономического краха. Красносудженск стоило бы включить в топ российских городов, из которых лучше уехать немедленно, потому что, судя по всему, местное население так и поступало. В таких городах хорошее обслуживание и вкусный горячий шоколад ещё поискать надо и неизвестно – найдёшь ли. И я не стал пытаться удачу, пробуя ближайшее ко мне кафе с креативно-отпугивающим названием «Блин Ламбада», а интуитивно свернул на огонёк костра – к узкой полосе гравельной отмели, незакованной в бетонную кирасу набережной.

Я присутствовал при моменте, когда тлеющую загаину пытались превратить в лагерный костёр, задабривая дух огня расщепленной доской, щедро политой – судя по запаху – керосином. Источником топлива служил импровизированный топчан, сколоченный из деревянных паллет, покрытых драным тюфяком. Чумазый подросток лет пятнадцати – один из шумной компании его сверстников, словно галчат, облепивших самоделковые шконцы – лихо орудовал монтировкой, используя двуязычковый загиб в ипостаси гвоздодёра. Вывернутый из поддона тем же инструментом, пиломатериал раскалывался вдоль волокон и обливался пахучим нефтепродуктом из стеклянной литровки с узким горлом. Огненный якши охотно принимал королевское подношение, набухая исполинским жаром, и я невольно вспомнил свой недавний сон.

Воздух был полон горьковатой дымки. Пёстрые шлейфы листьев, взмыленные вихрями ветров, вспыхивали, словно призраки, острыми углами, ссыпаясь куда-то в сторону подёрнутой рябью реки. Костровой орудовал монтировкой так лихо, что над его заголённой спиной с ниткой иззубренных позвонков, поднимался пар в блёстках крупных бусин пота. Порядком закоченевший, я вздрогнул от вида разгорячённого работой мальчишки. Его кодекс одежды – обнажённый торс и алладины насыщенного фиолетового цвета с закатанными до колен штанинами – перенимал ещё один тинейджер. Он спасался от нулевой температуры жонглированием гигантским «кубиком» – диковинной геометрической конструкцией правильного куба с натянутыми как струнки диагоналями рёбер жёсткости. Не скажу, что подобный трюк давался легко жонглёру: фигура вбирала в себя объём примерно кубического метра, и при всей своей громоздкости, являла далеко не идеальный объект манипуляции. Должно быть, в этом и состояла мультка номера: доказать обратное. На грязном измызанном лице подростка читалось усердное старание, вкованное напряжением от выполняемых движений. Некая надсада, почти граничащая с драматичной остротой, трепетала и пульсировала в его остеклевших, озолочённых блеском костра глазах.

Для зрелищности не хватало только праздничных фанфар и света софитов. В какой-то момент, словно по волшебству, появилось оба составляющих. Фанфары заменил этнический котлообразный барабан, обтянутый верёвками и кожей, а роль лампадаря взял на себя сам артист, вернее, его гигантский куб, вспыхнувший от головешки, поднесённой костровым. Как по бикфордову шнуру, огонь стремительно распространился по рёбрам куба, озарив толпу карминно-красным коптящим пламенем. В воздухе повис горьковатый аромат палёной пакли и керосина.

– Можно погреться у костра? – спросил я у одной из малолетних зрительниц и, получив одобрительный кивок головы, присел на свободный край тюфяка, сбросив рюкзак в хрустящий щепень.

Мне щедро протянули насаженные на шпажку четыре шоколадно-коричневых с подпалинами бочонка.

– Вкусно! – пояснила белобрысая девчонка с яркими алыми лентами в тугих косах.

Я молча принял угощение. Язык мой отяжелел и набух, пересохшая гортань дико саднила, поэтому я благодарно улыбнулся и кивнул – точь-в-точь, как кивнули мне, разрешая разделить место у костра.

Бочонки оказались полузабытым лакомством с таким же точно свойством названия. Понадобилось время, чтобы вытянуть из памяти правильное имя зефиринок из сахара и желатина, взбитого до состояния губки и закарамелизованного на огне. Всё-таки вспомнил: они назывались маршмеллоу – резиновые тянучки родом из детства. Не знаю, откуда пошло столь странное название, но, сугубо, по-моему, мнению, оно совершенно не подходило для кондитерского изделия. Мама как-то привезла из заграничной командировки несколько десятков бумажных фунтиков, она называла их незамысловато: конфетки-тянучки. Однажды я увидел подобное в американском фильме про бойскаутов, где герои жарили маленькие цилиндры на костре и обзывали тянучки новым непонятным словом. Теперь и я, словно американский скаут, посасывал тягучую массу, похожую по вкусу на рахат-лукум, и ловил себя на мысли, что много потерял, столько лет пренебрегая заграничной сладостью. Обжаренные на костре, с тонкой корочкой хрупкой карамели, конфетки-тянучки казались гораздо вкуснее тех, что привозила из командировки мама.

Тем временем к огненному шоу примкнула пара близняшек в струящихся юбках-«солнцах», обшитых пышными воланами. Головы сестёр покрывали ободки с искусственными белыми цветами. На их запястьях позвякивали браслеты, на шеях – монисто. Блузы к наряду не предусматривались: юные чаровницы щеголяли в обтягивающих фитнес-лифах без косточек и швов, демонстрируя улюлюкающей публике осиные талии и симметричные татуировки огибающих пупки дракончиков. Девочки быстро поймали ритм барабана и принялись вращать зажжённые poi-шары на цепях, выполняя тщательно отрепетированный синхронный номер. Незаметно появился четвёртый участник: костровой, судорожно сжимающий в руках бутылку с керосином. До поры до времени он ходил кругами вокруг пляшущего трио, затем глотнул украдкой из бутылки, запрокинул голову и сделал короткий резкий плевок на тлеющую головешку, изрыгая объёмистый клуб пламени. Получилось весьма эффектно. Факир выпустил ещё три шара, один огненный столб и «нарисовал» пламенеющую арку, развернувшись всем телом в прыжке. Публика неистово аплодировала. Трогательная незащищённость юных танцовщиц с рахитичными фигурками и кукольными личиками на деле оказалась чистой грёзой. Близнецы демонстрировали потрясающее владение телом, проявляя не дюжие способности гибкости и ловкости.

– Классный покрутон, – через плечо полувопросительно кинула мне белобрысая девчонка, угостившая сластями. – Пашка номер с кубиком сам придумал и проработал.

– Ты одна из них?

– Ну, вроде как! – засмушалась белобрысая. – Я тренируюсь на диодниках.

– У тебя уже есть свой номер?

– Нет, я пока отрабатываю классические фигуры. Нутам... гиперлуп или шагающую бабочку.

– Ясно, – сказал я, хотя мне было не очень ясно, что на самом деле представлял собой гиперлуп, но из вежливости решил не уточнять. Помолчал немного, дав возможность крепчающему ритму барабанных перестуков дойти до кульминации. – У вас тут целое цирковое выступление, а я без билета.

– У нас как-то больше развит «аск».

На этот раз без уточнений решил не обходиться.

– То есть это как?

– Шляпа на мостовой как способ заработка. – Белобрысая беспечно пожала плечами. – У нас тут что-то вроде кружка пироманов, хотя Пашка убеждает зрителей, что мы бродячий театр огня.

– Пашка прав. Так звучит гораздо круче.

– Ещё он говорит, что для полного аншлага нам не хватает ходульной анимации. Их пантомима и трюки – это ржачно. Можно было бы устраивать комичные перебивки между покрутонами. Я, например, видела одну ходульную анимацию в Сан-Франциско, она называлась «Влюблённый Чаплин».

– Ого! Так далеко отсюда?

– Ну да, мы там были с родителями прошлым летом. Очень смешной спектакль получился. Наш гид рассказывал, что во время огромной популярности Чаплина по всей Америке устраивались конкурсы на лучшее подражание актёру, они назывались чаплиниады. Сам Чаплин однажды участвовал в такой чаплиниаде, разумеется инкогнито, но не смог победить.

– Вот это ирония!

– Да, это, наверно, жутко обидно. А ты умеешь ходить на ходулях?

– Нет, что ты! – я рассмеялся. – Я предпочитаю менее экстремальные виды развлечений.

– Например?

– Например, шахматы.

– Вау! Я знаю, что в шахматах есть конь, он ходит буквой «Г», а больше ничего не знаю.

Научишь играть?

– У меня нет с собой доски.

– Как-нибудь.

– Договорились!

Белобрысую мягко пихнули вбок, чья-то невидимая рука вынырнула из темноты, подсовывая вместительный походный термос.

– Своя кружка есть? Чаем угощу.

– Нету, – признался я.

– Держи тогда мою.

Она протянула крошечную – в несколько глотков – голубую пиалу, наполненную до краёв чёрным дымящимся настоем.

– Странный чай! – сказал я, присёрбывая густую ароматную жидкость, имеющую привкус старого сушёного урюка.

– Это пуэр!

– Здорово у вас тут всё... живой огонь, тамтамы, посиделки за чаем.

– Каждый находит здесь что-то своё. – Она звонко рассмеялась. – Пашка называет это альтернативной системой ценностей и пространством объективных возможностей. Ой! Они уже закончили. Пойду напью его горяченьким.

В моей ладони осталась голубая пиала с последним глотком пуэра. Я осушил крохотную посудинку. Потрескивающие в костре головешки разливали мягкие волны тепла. Выпитый чай успокоил горло, усмирив или, во всяком случае, приглушив основные симптомы воспаления. Задумчивая несодержательная беседа вернула правильное жизнеощущение. Я получил массу впечатлений и мне хотелось, как можно дольше сохранить это состояние духа. Я зажундел застёжкой-«молнией» на рюкзаке, нащупал телефон, отыскивая в контактах мамин номер.

– Алло? – раздалось в трубке после продолжительных гудков. Мамин голос сквозил измождённостью, в нём слышалась какая-то надорванность, бессилие.

– Мама, это я. Здравствуй!

– Сынок? – Голос трансформировался, принял почти свойственные ему интонации лилейности и чуткости. – Я без очков, не разобрала сразу номер. Всё в порядке?

– Да-да, – спешно сказал я, – всё в порядке! – А про себя добавил: «Теперь уже – в порядке».

– Значит говоришь, всё хорошо. Я рада.

Я чувствовал, мама делает над собой серьёзное усилие – сверхусилие, но фальшивое ободрение в голосе было слишком прилежным и истовым.

– А как у тебя?

– По-всякому, – честно вздохнули в трубке. – Беру сверхурочные, устаю сильно. По тебе скучаю, но приехать пока не могу. Билет дорогой.

– Что-нибудь придумаем. Обещать не буду, но может выберусь к тебе на Новый год. – Я помолчал. – Я что хотел спросить?

– Да?

– Помнишь, когда я пошёл в школу, тебя направили от вашего отдела на повышение квалификации в Польшу. Тебе ещё пришлось везти меня в Зуевку к тётке.

Секундное замешательство повисло пеленой.

– Конечно, помню, – наконец отозвались на том конце. В далёком, забитом телефонными помехами голосе чувствовалось недоумение, но воспоминания уже поглотили маму с лихвой, и она поплыла по волнам памяти. – Сестра была не в восторге, что на полтора месяца в её семье станет на одного непослушного ребёнка больше.

– Ты заставляла меня писать тебе.

– Не выдумывай, не было такого, – возмутилась она и порскнула как-то особенно задорно, по-детски. – Я не могла тебя заставить: ты не умел ещё писать. Я просила, чтобы ты рисовал для меня на открытках, а тётя Наташа должна была эти открытки опускать в почтовый ящик.

– Но она постоянно теряла или забывала обратный адрес, и открытки к тебе не доходили.

– Немудрено! Я и сама помню название города с трудом. Кажется, он назывался Селедце.

– Седлыде, – подсказал я.

– Хм-мм... Точно! – мамин голос засиял. – Надо же: ты помнишь. Мы жили там в коттеджных домиках прямо на берегу искусственного озера. Веранда выходила на камышовый берег с пристанью, а окно комнаты – на дорогу и островок старого еврейского кладбища за ним.

– Да, это место тебе очень нравилось. Ты много про него рассказывала. Как прикармливала двух лебедей и подранка-селезня крошками, как ходила пешком до станции по тропинке между могильных холмов и склепов, как каждое утро ехала в безупречно чистых скоростных вагонах до Варшавы, где с вокзала вас забирал микроавтобус с кондиционером и вёз в проектное бюро на Банковскую площадь.

– Почему ты об этом вспомнил?

– Вспомнил. Просто вспомнил. – Я поискал глазами белобрысую, но не нашёл её в толпе. – Помнишь, на обратной дороге, уже вечером, голодная, ты перехватывала в кафетерии, на кампусе, где тебе на сдачу давали сладости...

– Конфетки-тянучки, – улыбнулась мама. – Удивительно! Кажется, это было только вчера, а прошло столько лет. Кстати, сколько? Десять? Больше?

– Да, – на мгновение я задумался. – Мне было семь. Тогда я ещё не знал, что конь ходит буквой «Г».

– Что, алло? При чём здесь конь?

Неожиданно сухо защёлкали петарды где-то над ухом, сыпался и хрупал веер разноцветных римских звёзд.

– Ма, извини, не могу говорить! – изо всех сил закричал я в трубку. Залпы салюта заглушали голос настолько, что я с трудом слышал самого себя. – Здесь слишком шумно. Перезвоню, как смогу.

Скомканный телефонный разговор продолжать дальше было невозможно. К пиротехническому шоу подключились шутихи. Они завывали диким зверем, разбрасывая в стороны конфетти и серпантин. Зрители посрывались с мест, обступив фейерверк тесным полукругом, восторженно рукоплескали. В шапку для сбора денег – старомодный котелок с элегантной лентой из атласа – посыпалась звонкая мелочь. Я протиснулся сквозь толпу и вывернул из кармана в

«шапку» все бумажные деньги, а, чтобы не разнесло ветром, припечатал сверху голубой пиа-лой.

Когда я почти выбрался на бетонную кромку пустынной набережной, набив полные крос-совки острых камней, меня неожиданно тронули за плечо. Я обернулся. Переводя дыхание, передо мной стояла белобрысая. В шагах двадцати от неё переминался с ноги на ногу исполнитель номера с кубом – Пашка в фиолетовых шароварах, в бусах и косичках-дредах.

– Я тебя искала! – выдохнула она и упёрла руки в колени, громко выдохнула. – Еле нашла!

– Ах да! Если ты про пиалу, то она в шляпе.

– Что? Пиала в шляпе! Ой, я про неё совсем забыла. Мог бы оставить себе. Но всё равно спасибо, что вернул.

– Да не за что! – я смущённо улыбнулся. – Ну... я пошёл?

– Подожди. Ты не спешишь? Можешь задержаться? – в отчаянии она заломила руки и виновато улыбнулась. – Ты не подумай ничего такого, просто я решила, что тоже могу тебя кое-чему научить... У меня хотя опыта немного, но под рукой всегда есть – та-дам! – Пашка.

– Можно просто Паша, без тадам! Да, ты, друг, ничего такого не думай!

– Я ничего такого и не думаю. Могу и задержаться.

– Правда? Здорово! – Она протянула мне руку. – Тогда идём!

Глава 7

*Пришла пора, мы подросли,
И в кухню страшную вошли,
Огонь раздули в очаге,
С тяжёлым молотом в руке,
Презрев жару и темноту,
Мы для себя куём беду.*

Адам Варашев

– Вы не будете против, если я закурю?

Ким, наконец, поднял глаза и отложил на самый краешек стола ворох смятых листов. До этого он, подпирая лоб ладонью, бегал глазами по мелким строчкам и медленно тонул в каких-то своих небыстротечных мыслях. За последнюю четверть часа он не проронил ни слова.

– Я думал, ты не куришь!

Он устало откинулся на спинку стула и со звериной тоскою смотрел на зарешеченное окно размером с тетрадный разворот. Где-то там пугливо качалось солнце, исчахленное до полусмерти хмурой подмосковной осенью.

– Так и было... до всего этого! – Ким многозначительно обвёл взглядом помещение и откашлявшись, заклегал, подражая какой-то птице: – Тукан! Тукан! Тука-аан! Товарищ сержант! Не в службу – в дружбу, угости сигаретой.

Угол закопошился. Дремавший на стуле конвойный чутко среагировал на собственное прозвище, мотивом которому, по всей видимости, служил нос, разительно схожий с клювом тукана – длинным, с высокой переносицей, горбинкой и хорошо очерченными ноздрями. Впрочем, типично армянский нос не уродовал хозяина – нос очень гармонично сочетался с чертами лица, такого же типично армянского. Тукан лениво открыл один глаз, пытаясь проявить к происходящему скромный живой интерес. Потянулся, зевнул. Гулко, со стуком упал с коленей журнал регистрации посещений.

– А лаваш тебе с сыром не принести, дорогой? – медленно, без злости, но с угрюмой хмуростью процедил он, подтягивая за корешок похожий на подранка учётный документ. – Совсем озверел? Курить здесь не положено.

– Тукан, да не палево. Дай сигарету!

– Что мне с тобой делать, зэка? – проворчал сержант, но всё же полез в карман и небрежно швырнул в воздух початую пачку. Та перелетела по дуге полкомнаты и шмякнулась на стол. – Только в форточку кури! Понял?

– Да понял, – Ким распатронил пачку: достал зажигалку, две сигареты, одну заложил за ухо, вторую жадно раскурил от крохотного, нервного на сквозняхках огонька. Скрипнул стулом, подошёл к окну, разлинованному крест-накрест арматуринами, чванливо выдохнул тонкий дымок сквозь прутья.

– В общем, конечно, странную историю вы доите.

– Не понял: что это значит?

– У вас повсюду расставлены несущие слова, такие, знаете, фундаментные, опорные, на которые вы пытаетесь уложить чью-то другую историю, на мою мало похожую. Вот эта другая история, что вы здесь пишете, – Ким указал дымящейся сигаретой на веер листов, оставленных им на шербатой столешнице, – с жизнью контактирует, я не спорю, но при этом она не жизнеподобна, то есть не подобна моей жизни. Понимаете?

Я неодобрительно цокнул языком.

– Не понимаю! Что ты имеешь в виду, когда говоришь, «другая история»? Чья «другая»?

– Ну уж точно не моя, – хрипло рассмеялся Ким. – Вот, к примеру, последняя, вернее, крайняя глава. В самом начале пишете, что выпал первый снег. А потом про какую-то стирку пишете, про стихи, про поэта, эти стихи написавшего. Я же этого не говорил. Я даже фамилию поэта, о котором вы пишете, не слышал.

Я покосился на Тукана, но тот безразлично надвинул фуражку на кончик своего породистого носа и ритмично посапывал, обмякший безвольным телом на стуле.

– Ким, ты сейчас три или четыре раза подряд повторил слово «писать».

– Это плохо?

– Нет, почему? Просто акцентирую твоё внимание! Ты всё правильно говоришь: писать, но не записывать. Если я буду записывать за тобой слова, то получится не литература, а стенограмма.

Я поворошил страницы, выискивая нужный абзац. Нашёл, зачитал вслух:

– В один из таких вечерних променадов на моих глазах сотворилось эпическо-лирическое чудо, столь любимое поэтами. Большая воскресная стирка, как писал Филатов, случилась именно в воскресный день, что было символично. Падающий снег, ставленник надвигающихся заморозков, усыпал пригорки, замарывая свежей побелкой бархатную черноту голой красно-судженской земли.

– Да, вот это «другая» история – ваша история, ваш эпический-лирический реализм с всякими сладко-сиропными прикрасами.

– Здравсьте, приехали! Извини, но у нас не протокол судебного заседания, если ты об этом. Нельзя писать правду, ограничиваясь средствами реализма. Вообще, писать стерильную правду нельзя. Во-первых, днём с огнём не сыщешь, а во-вторых, себе дороже будет. Иногда надо солгать физически, солгать лирически, чтобы заполнить эти пузыри, лакуны. Ты вспомнишь про первый снег, и в моей голове сразу возникает этот образ болезненной белоснежности, как противопоставление тому быту, о котором ты рассказываешь. Ну?

– Хорошо, допустим, но тогда ваши пузыри я и должен заполнять. В образе болезненной белоснежности только слово «болезненность» подходит. Остальному пинок под зад.

– Ты слышал что-нибудь про тюнинг текста? Тот самый случай. Подтягивай, а не выкидывай, иначе пузырь так и останутся пузырьём.

– Хорошо, ладно. – Ким съёжился, затянулся сигаретой, жадно глотая токсичный дым, поднял на меня воспалённые глаза. – Этот город насквозь покрыт зудящими, чесоточными, кровоточащими струпьями.

– Это же просто удивительно точно! Прекрасный образ. Оставим его на перспективу. Понимаешь, литература не должна быть жизнеподобной, она должна подчиняться определённым законам жанра. Если в жизни нет места лирике, то на страницах книги она непременно отыщется. Хотя ты, безусловно, в чём-то прав, – я перевёл дыхание, закончил мысль: – Иногда трудно выбить из прозаика поэта.

– Я разве против поэзии? – удивился Ким. – Наоборот. Если хотите знать, я думаю, стихи – это высшая форма словотворчества, квинтэссенция прозы, всех её литературных жанров. Мир, как остросюжетный роман – организован по неким законам жанра. Люди часто попадают впросак, не понимая жанровых закономерностей. Другое дело, что эти закономерности решительно бесчеловечны и, как мне кажется, решительно не познаваемы человечеством.

– Если наша вселенная где-то прописана, то человек – это определённо персонаж, – заметил я. – Персонаж не может знать законов жанра, на то он и персонаж. Чего не скажешь о Повествователе.

– Иногда повествователь и сам немного потеряшка в том смысле, что не знает, перед ним большое эпическое полотно и большая ответственность. Чередует периоды творчества с

периодами затишья. Иногда уходит с головой в работу, а иногда запирается где-то один и тихо ненавидит мир.

– Нет, я думаю, он прекрасно понимает, его молчание достойно ада, только поделаться ничего не может с этим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.